

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2023. № 2 (24)

Научный рецензируемый журнал

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2023

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2023. № 2 (24)

Scientific peer-reviewed journal

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2023

2023. 2 (24).

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, директор института гуманитарного образования, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досия университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени Валда Авотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культуры и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – докт. пед. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Фото на обложке – автор Нуждина Е. С., магистр-филолог МГТУ им. Г. И. Носова

2023. 2 (24).

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regéczy – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova– Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);
Alexej Petrov – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);
Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Author of the photo on the cover: Nuzhdina E. S., Master's Degree in Philology of NMGU

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

Mysovskikh L. O. FYODOR TYUTCHEV'S LOVE LYRICS:
EXISTENTIAL PROBLEMS OF A RUSSIAN WOMAN'S LIFE 11

Цуркан В. В. РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ
В КНИГЕ З. ГИППИУС «ЖИВЫЕ ЛИЦА» 20

РАЗДЕЛ II. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Ласкова М. В., Воейкова А. А. ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕВОДА СОВЕТИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ И
ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ 30

Уразаев М. Д. ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ
УПОТРЕБЛЕНИЯ СПИРТНОГО В ЛИНГВИСТИКЕ 41

РАЗДЕЛ III. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Петров А. В. ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОМУ (ПОЭТИЧЕСКОМУ) ТВОРЧЕСТВУ
В ШКОЛЕ И ВУЗЕ. СТАТЬЯ № 3 50

АВТОРАМ 63

CONTENTS

PART I. POETICS OF THE LITERATURE

Мысовских Л. О. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЖИЗНИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ
Ф. И. ТЮТЧЕВА 11

Tsurkan V. V. RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL
MOTIVES IN THE BOOK BY Z. GIPPIUS «LIVING FACES» 20

PART II. LINGUISTICS OF THE TEXT

Laskova M. V., Voeykova A. A. PECULIARITIES OF
SOVIET RUSSIAN REALIA TRANSLATION INTO ENGLISH
AND SPANISH 30

Urazaev M. D. STUDIES OF ALCOHOLIC VOCABULARY
IN LINGUISTICS 41

PART III. THE METHODOLOGY OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES

Petrov A. V. TEACHING LITERARY (POETIC) CREATIVITY
AT SCHOOL AND UNIVERSITY. ARTICLE № 3 50

TO AUTHORS 63

РАЗДЕЛ I. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82.01

ББК 83.3

L. O. Mysovskikh¹

ORCID: 0000-0003-0731-1998

*Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin*

*Russia, 620083, Yekaterinburg, Lenin Ave., 51
levmisov@yandex.ru*

FYODOR TYUTCHEV'S LOVE LYRICS: EXISTENTIAL PROBLEMS OF A RUSSIAN WOMAN'S LIFE

Abstract

The article analyzes Fyodor Tyutchev's love lyrics in order to establish the peculiarities of Russian women's' life in the context of their relationships with their lovers. According to the author of the article, the distinctive feature of the «Denisiev cycle» is its focus on the representation of the existence of a Russian woman, her psychologically difficult situation in the family and society as well. Through poetry, Tyutchev sought to learn Russian women's' feelings in all their complexity and at all levels: metaphysical, social, psychological. The image of the beloved described by the poet creates a sense of tragic finale inevitability of woman's existence who gave herself to passionate love. In the context of the existential theories of Karl Jaspers and Hans Georg Gadamer, who presented situations of guilt and death as inextricably linked, the author of the article suggests that in the «Denisiev cycle» Tyutchev identifies passionate love with inevitable death, and a man who is the object of passionate love with a murderer. A comparison of Nikolai Nekrasov and Fyodor Tyutchev's love lyrics is carried out. The mutual poetical influence on each other's creativity is shown. The author notes the similar views of the two Russian classics on the tragedy of a woman's existence, as well as distinctive features, for example, in Tyutchev's poetry a woman, as an initially weaker being, is doomed to suffer in a situation of passionate love, while in Nekrasov's poetry a man and a woman can act as equal partners, mutually causing

---

¹ Mysovskikh L. O., PhD student of the Faculty of Philology of the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

L. O. Mysovskikh

suffering to each other. The suffering of a woman is interpreted in the light of the existential theories of Jaspers as a borderline situation in which the inevitability of the finiteness of human existence and the insignificance of everyday worries that occupy a person are clearly manifested.

Keywords: Russian literature, existentialism, love lyrics, Tyutchev, Denisyeva, Nekrasov, Jaspers, Gadamer

In Fyodor Tyutchev's love lyrics, the character of the lyrical hero was most clearly outlined. A deep trace in the poet's life and work was left by his relationship with Elena Denisyeva, his daughters' friend from the Smolny Institute, he met in 1850. The acquaintance developed into a long-term relationship that lasted until the death of the poet's beloved in 1864. For Denisyeva, this novel was associated with difficult experiences: the ostracism of the social sphere from which she came, the breakdown of relations with family and friends (at least in the first years of the novel). Three children were born from their union: Elena, Fedor and Nikolai. Tyutchev officially recognized the offspring from the union with Denisieva, and the children had the father's surname. At the same time, the poet did not break ties with the official family. According to biographers, his second wife, Ernestine, never mentioned another woman in Tyutchev's life. Judging by the contents of the letters, Tyutchev felt guilty before his wife, appreciated her condescension and repeatedly stressed that, in fact, only she was able to understand him. Perhaps Ernestine, who was bound by a love relationship with the poet during the lifetime of his first wife Eleanor, could understand like no one else that two loves could coexist in Tyutchev's heart.

Acquaintance with Denisieva led to the creation of a number of love poems. The poet did not associate them as one formal cycle, however, some researchers (K. Pigarev and N. Berkovsky), noticing the thematic unity of these works, called these poems the «Denisiev cycle». It usually includes works created between 1851 and 1869. This cycle is consistent enough to talk about it as a certain thematic wholeness, in which one can see compositional and structural versatility. As a genre formation, the «Denisiev cycle» is characterized by the following complex of ideological and artistic features: conceptuality; plot-thematic unity; internal logic in the construction of the cycle, determined by the logic of the development of lyrical experience, the artistic concept of the cycle; internal, contextual connections that give rise to those additional meanings that are not individually expressed in the poems-components of the cycle; a single character of the characters, the relations between them; the unity

of the conflict; stylistic and linguistic originality; the unity of the biographical basis.

The «Denisiev Cycle» differs from the earlier love lyrics in that the poet's entire attention is directed here to the existence of a Russian woman, her psychologically difficult situation in the family and in society. It appears as if an essay of a psychological novel, in which the voice of the heroine is heard. The image of the beloved, her feelings and experiences develop in the direction of dramatic premonitions and a catastrophic decision. There is a feeling of inevitability of the tragic finale of the existence of a woman who gave herself to passionate love. Death in this case becomes a fatal event, an inevitable reckoning, which is described in the existential theories of K. Jaspers and G.-G. Gadamer, representing situations of guilt and death that are inextricably linked. Gadamer writes that Jaspers especially «highlighted the situation of death, along with it – the situation of guilt. In the way a person behaves when he is guilty, moreover, when he finds himself face to face with his guilt, something comes out, it is revealed – exist» [1, 21]. Thus, we can assume that in the «Denisiev cycle» Tyutchev identifies passionate love with inevitable death, and the man who is the object of passionate love is identical to the murderer. The complete subordination of one's own will to the object of one's passion leads a person to existential despair, which, in turn, «means the loss of one's own personality» [5, 54]. A similar assumption can also be made regarding the love lyrics of another Russian poet, Nikolai Nekrasov. Although, noting similar concepts in the works of both authors, there are some significant differences that can be seen in two Russian classics' poems comparison.

The cycle dedicated to Denisyeva is often compared by critics with the «Panayevsky» cycle of Nekrasov's love lyrics. The common elements of Nekrasov and Tyutchev's creativity can be seen by the example of two works that, in our opinion, occupy the main place in both cycles: Nekrasov's poem «The Heavy Cross fell to her lot» (1855) and Tyutchev's poem «Don't say: he loves me, as before» (1851 or 1852). It is in this poem that the figure of a woman comes to the fore. It is she who says: «Don't say: he loves me, as before, / He values me, as before... / Oh no! He is ruining my life inhumanly, / Though, I see, the knife in his hand is shaking. / Sometimes in anger, sometimes in tears, longing, indignant, / Carried away, hurt in my soul, / I suffer, I don't live ... by them, by them alone I live – / But this life! Oh, how bitter it is! / He measures the air to me so carefully and sparingly... / They don't measure the fierce enemy like that... / Oh, I'm still breathing painfully and hard, / I can breathe, but I can't live anymore» [8, 164].

L. O. Mysovskikh

Nekrasov's poem, written a little later, said: «The heavy cross fell to her share: / Suffer, be silent, pretend and do not cry; / To whom both passion, and youth, and will – / She gave everything – he became her executioner! / She has not known a meeting with anyone for a long time; / She is depressed, timid and sad, / She must listen to crazy, sarcastic speeches without a murmur: / Don't say that youth has ruined / You, you are tormented by my jealousy; / Don't say!.. my grave is close, / And you are a fresh spring flower!.. / <...> / Terrible, murderous sounds! / As the statue is beautiful and pale, / She is silent, wringing her hands... / And what could she say to him? ..» [7, 191–192]

Both poems are united by a certain literality of phrases: «Do not say that youth has ruined» – in Nekrasov and «Do not say: he loves me, as before,» – in Tyutchev. The perception of love as death is similar, and the beloved as a murderer: «he became her executioner» – in Nekrasov and «Though, I see, the knife in his hand is shaking» – in Tyutchev. The sublimity of the atmosphere of Nekrasov's work creates the motif of the cross. For both poems, the common theme is suffering, which also indicates the borderline of the situation in which the woman is, because, according to Jaspers, «not only death, but also a fatal illness, suffering, guilt, struggle also put the individual in a borderline situation» [10, 18], which makes the awareness of his finiteness inevitable, rips a person out of the real world. After that, everyday worries, passions and sorrows reveal their insignificance. Nekrasov depicts the «Tyutchev» sublime and tragic portrait of a woman. In turn, Tyutchev, in the likeness of Nekrasov, in the «Denisiev cycle» concretizes his image, introduces the prosaism of everyday life into it: «She was sitting on the floor / And she sorted out a pile of letters» [8, 208].

Concretization, a vivid sense of the existence of another person as a person who suffers, first appears in such an explicit form in Tyutchev's «Denisiev Cycle». It seems that in the case of both poets we are dealing with the attitude to suffering, characteristic of the mentality of Russian people, as an ontological and personal-creative category. The suffering associated with tragic love experiences shapes the characters. In Nekrasov's poem «In an unknown wilderness, in a semi-wild village» (1846) there are these words: «But I have an excess of tears and burning suffering / More pleasant than a dead void...» [7, 117]

Tyutchev's poem «There is also in my suffering stagnation» (1865) presents an existence that is in a martyr's stupor. Here again the theme of suffering arises, which should save the hero from spiritual death. The lyrical subject craves burning torment: «O Lord, grant burning suffering / And dispel the deadness of my soul» [8, 223].

The theme of love arouses interest in another person. The focus of attention on the «I» of another person unites poets, but there are also obvious differences between them. In Tyutchev's poetry, the «I» of another person actually appears very rarely, primarily in the cycle dedicated to Denisieva. The heroine does not represent a generalized portrait of many women, as in the poem «Russian Woman», but is an original, separate person. In turn, in Nekrasov's poetry one can see a generalization of human destinies, which is also noticeable on the example of the cycle dedicated to Panaeva. Tyutchev's lovers are left alone, which ultimately leads to a «duel of hearts». In Tyutchev's «Denisiev Cycle», we can notice that the positions of the characters are different, the love relationship resembles the relationship of the victim and the executioner, the guilty and the innocent. However, the one who causes pain admits his guilt, suffers from it, which, however, does not change the state of affairs. Nekrasov's heroes, on the contrary, are equal. A woman and a man hurt each other, and both suffer. In Tyutchev's «fatal duel», the one with the tenderer heart dies. Nekrasov's «duel» turns into a struggle of equal opponents.

Vasily Gippius writes about the complexity of human relations manifested by Tyutchev in the love cycle: «In Tyutchev's love poems, the metaphysician is least affected. The deepest dialectic of human experiences revealed in these verses makes them, next to the poetic painting of nature of the 50s, the most viable part of Tyutchev's heritage. Clearly, however, the fatalistic motives that slip into them are alien to modern consciousness» [2, 221]. Tyutchev's interest in the themes of nature and love led to the fact that his poetry began to approach the direction of «pure art». Therefore, there is a question of the relationship between the work of Tyutchev and Fet. It is known that the authors knew each other personally and highly appreciated each other's poetry. Tyutchev wrote about Fet as follows: «Beloved by the Great Mother, / Your lot is a hundred times more enviable – / More than once under the visible shell / You have seen her most...» [8, 217]

Fet, in turn, saw Tyutchev as the embodiment of the creative spirit. In a short poem «On the book of Tyutchev's poems» (1883), he writes: «Here the spirit of a powerful dominion, / Here the color of refined life» [9, 363]. There were several reasons for the mutual sympathy of both poets, but the most important, in our opinion, is that in poetry they revealed that sphere of human existence that was pushed by democratic poetry into the background: the area of experiences and feelings, the spiritual component of a person.

REFERENCES

1. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 367 p. (In Russ.).
2. Gippius V. V. Ot Pushkina do Bloka [From Pushkin to Blok]. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966. 347 p. (In Russ.).
3. Kozlik I. V. V pojeticheskom mire F. I. Tjutcheva [In the poetic world of F. I. Tyutchev]. Ivano-Frankivsk: Plai; Kolomyia, 1997. 156 p. (In Russ.).
4. Mysovskikh L. O. Pisatel' i jekzistencializm: hudozhestvennaja literatura kak sredstvo vyrazhenija jekzistencial'nyh idej [Writer and existentialism: fiction as a means of expressing existential ideas]. *Filologija: nauchnye issledovanija*. 2022, no. 4. Pp. 29–41. (In Russ.).
5. Mysovskikh L. O. Jekzistencial'nye koncepty poezii F. I. Tjutcheva v kontekste vzaimootnoshenij cheloveka i prirody [Existential concepts of F. I. Tyutchev's poetry in the context of the relationship between man and nature]. *Kul'tura i obrazovanie*. 2021, no. 4 (43). Pp. 45–54. (In Russ.).
6. Mysovskikh L. O. Jekzistencial'nye osnovanija temy smerti v pis'mah F. I. Tjutcheva [Existential foundations of the theme of death in the letters of F. I. Tyutchev]. INITIUM. Fiction: the experience of modern reading: a collection of articles by young scientists. Issue 5. Yekaterinburg: UGI UrFU, 2022. Pp. 123–127. (In Russ.).
7. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie stihotvorenij v 3-h tomah [Complete collection of poems in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Soviet Writer, 1967. 683 p. (In Russ.).
8. Tyutchev F. I. Polnoe sobranie stihotvorenij [Complete collection of poems]. Leningrad: Soviet Writer, 1957. 430 p. (In Russ.).
9. Fet A. A. Polnoe sobranie stihotvorenij [Complete collection of poems]. Leningrad: Soviet Writer, 1959. 897 p. (In Russ.).
10. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of the story]. Moscow: Politizdat, 1991. 527 p. (In Russ.).
11. Laing R. D. The Divided Self. New York: Penguin Books, 2005. 219 p. (In Engl.).
12. Montgomery M. R. Out of your existential mind: Madonna, relevance and nuance. *Existential Analysis: Journal of the Society for Existential Analysis*, 2020, no 31 (2). Pp. 247–277. (In Engl.).

13. Mysovskikh L. O. Existential and Religious Concepts of Fyodor Tyutchev's Poetry as Proof of the Existence of God. *Litera*. 2022, no. 7. Pp. 102–110. (In Engl.).

14. Mysovskikh L. O. Existential type of artistic consciousness: genesis and ways of development in the literature of the XIX century. *Litera*. 2022, no. 4. Pp. 83–92. (In Engl.).

15. Oaklander L. Nathan. Existentialist Philosophy an Introduction. New Jersey: Prentice Hall, 1996. 420 p. (In Engl.).

Список источников

1. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. Москва: Искусство, 1991. 367 с.

2. Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. Москва, Ленинград: Наука, 1966. 347 с.

3. Козлик И. В. В поэтическом мире Ф. И. Тютчева. Ивано-Франковск: Плай; Коломыя, 1997. 156 с.

4. Мысовских Л. О. Писатель и экзистенциализм: художественная литература как средство выражения экзистенциальных идей // *Филология: научные исследования*. 2022. № 4. С. 29–41.

5. Мысовских Л. О. Экзистенциальные концепты поэзии Ф. И. Тютчева в контексте взаимоотношений человека и природы // *Культура и образование*. 2021. № 4 (43). С. 45–54.

6. Мысовских Л. О. Экзистенциальные основания темы смерти в письмах Ф. И. Тютчева // *INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых*. Выпуск 5. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2022. С. 123–127.

7. Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений в 3-х томах. Т. 1. Москва: Советский писатель, 1967. 683 с.

8. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1957. 430 с.

9. Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1959. 897 с.

10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва: Политиздат, 1991. 527 с.

11. Laing R. D. *The Divided Self*. New York: Penguin Books, 2005. 219 p.

12. Montgomery M. R. Out of your existential mind: Madonna, relevance and nuance. *Existential Analysis: Journal of the Society for Existential Analysis*, 2020, no 31 (2). Pp. 247–277.

13. Mysovskikh L. O. Existential and Religious Concepts of Fyodor Tyutchev's Poetry as Proof of the Existence of God. *Litera*. 2022, no. 7. PP. 102–110.

14. Mysovskikh L. O. Existential type of artistic consciousness: genesis and ways of development in the literature of the XIX century. *Litera*. 2022, no. 4. Pp. 83–92.

15. Oaklander L. Nathan. Existentialist Philosophy an Introduction. New Jersey: Prentice Hall, 1996. 420 p.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Л. О. Мысовских

*аспирант филологического факультета, Уральский федеральный
университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.*

В статье осуществляется анализ любовной лирики Ф. И. Тютчева с целью установления особенностей жизни русских женщин в контексте их взаимоотношений со своими возлюбленными. По мнению автора статьи, отличительной чертой «Денисьевского цикла» является его направленность на репрезентацию существования русской женщины, ее психологически сложное положение в семье и в обществе. Через поэзию Тютчев стремился познать чувства русских женщин во всей их сложности и на всех уровнях: метафизическом, социальном, психологическом. Образ возлюбленной, описанный поэтом, создает ощущение неизбежности трагичного финала существования женщины, отдавшей себя страстной любви. В контексте экзистенциальных теорий К. Ясперса и Г.-Г. Гадамера, представлявших ситуации вины и смерти неразрывно связанными, автор статьи предполагает, что в «Денисьевском цикле» Тютчев отождествляет страстную любовь с неизбежной смертью, а мужчину, являющегося объектом страстной любви, – с убийцей. Проводится сопоставление любовной лирики Ф. И. Тютчева и Н. А. Некрасова. Показано взаимное влияние поэтов на творчество друг друга. Отмечаются сходные взгляды двух русских классиков на трагичность существования женщины, а также отличительные особенности, которые заключаются, например, в том, что в поэзии Тютчева женщина, как изначально более слабое существо, обречена на страдания в ситуации страстной любви, в поэзии же Некрасова мужчина и женщина могут выступать как равные партнеры, взаимно причиняя страдания друг другу. Страдание женщины трактуется

в свете экзистенциальных теорий Ясперса как пограничная ситуация, в которой отчетливо проявляется неизбежность конечности человеческого существования и несущественность повседневных забот, занимающих человека.

Ключевые слова: русская литература, экзистенциализм, любовная лирика, Тютчев, Денисьева, Некрасов, Ясперс, Гадамер

Для цитирования: Mysovskikh L. O. Existential problems of the life of a Russian woman in Fyodor Tyutchev's love lyrics // Libri Magistri. 2023. № 2 (24). С. 11–19.

Поступила в редакцию 13.02.2023

В. В. Цуркан

УДК 821.161.1

ББК Ш5(2=Р) 5-4

В. В. Цуркан¹

ORCID: 0000-0002-0096-960X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
veravts2013 @ yandex.ru*

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В КНИГЕ З. ГИППИУС «ЖИВЫЕ ЛИЦА»

В статье анализируется книга мемуаров З. Гиппиус «Живые лица», которая является весьма ценным источником для знакомства с пережившими революционный разлом писателями, поэтами, историческими деятелями Серебряного века. Передавая своеобразие переломной эпохи, З. Гиппиус прибегает к созданию литературных портретов А. Блока, А. Белого, В. Брюсова, В. Розанова, А. Вырубовой, Ф. Сологуба. Постижение их образов для автора немислимо вне религиозно-философского контекста времени и собственного богоискательства. Проблемы смерти и бессмертия, правды и праведности, греха и воздаяния формируют сквозной мифосюжет очерков «Живых лиц». Значимыми в книге становятся мотивы искупления, возмездия, бессмертия, которые в понимании З. Гиппиус в соответствии с христианскими канонами рассматриваются как основа процесса вочеловечения. Критика волнует вопросы о сложности и цели бытия. Внимание З. Гиппиус неизменно переходит от внешнего к внутреннему, религиозно-философский подтекст теснит воспоминания о деталях быта. Автор стремится наиболее полно выразить состояние духа портретируемых. Для этого в документально-мемуарную форму литературного портрета привносится психологизм, необходимый для узнавания «своего» в «чужом» собеседника. Создание «живых» портретов современников становится для З. Гиппиус, вместе с тем, вариантом оправдания собственной эстетической практики. Ей удастся сделать судьбу портретируемых персонажей частью собственного мифа,

---

¹ Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

интерпретировать смерть героев не как конец, а как возможность перехода в новое качество, актуализировать идеи воздаяния и спасения, а также показать свое «живое» лицо с симпатиями и антипатиями.

Ключевые слова: З. Гиппиус, литературный портрет, А. Блок, В. Розанов, В. Брюсов, мотивы искупления, бессмертия, возмездия

Введение

Мемуарная проза – важнейшая область литературно-критической деятельности З. Гиппиус. Подобно В. Ходасевичу, Г. Адамовичу, Н. Берберовой, И. Одоевцевой, П. Струве своей целью З. Гиппиус считала «популяризацию и сохранение национального наследия» [14, 115] в эмиграции. Авторы ряда работ [2;3;8;10], посвященных исследованию творчества выдающейся поэтессы, писателя и критика, как правило, обходят стороной вопрос о религиозно-философском подтексте книги воспоминаний «Живые лица» (1925). Исключение составляет М. Шагинян, которая видела в З. Гиппиус художника «религиозного, все равно, какой материей не одевавшего бы <...> религиозную сущность своего творчества» [15].

Основные постулаты христианства переживались З. Гиппиус в личном опыте, предполагавшем единство жизни, философии и искусства. Пребывая вместе с Д. Мережковским в поиске ориентиров «нового религиозного сознания», она мечтала о том, чтобы «все люди объединились в одну веру» [6, 176]. «Действенный религиозный гнозис» [15], присущий поэзии З. Гиппиус, повлиял и на содержание книги «Живые лица», в которой жизнь и смерть, взлеты и падения, счастье и страдание рассматриваются как «предельные» состояния портретируемых персонажей. Ставя задачу «говорить правду <...> и о живых, и о мертвых» [4, 21], с которыми «встреч уже не будет на этом свете» [4, 64], автор актуализирует одну из центральных философско-религиозных проблем, поскольку «живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению» (Еккл. 9: 5-10).

Мотив искупления

В мемуарном нарративе «начало – конец и смерть неразрывно связаны с возможностью понять жизненную реальность как нечто осмысленное» [9, 417–418]. Осознание конечности человеческого существования на рубеже XIX–XX веков обострилось не только ввиду «смерти» Бога. Дополнительным импульсом, определившим

В. В. Цуркан

волну эсхатологических ожиданий, стали русско-японская и Первая мировая война, революции 1905 и 1917 года. З. Гиппиус удалось передать в своем творчестве ощущение приближающейся катастрофы. В поисках противоядия от всепоглощающего и обезличивающего страха перед грядущим апокалипсисом она писала: «Тройная правда – и тройной порог. / Поэты, этому верному верьте. / Только об этом думает Бог: / О Человеке. / Любви. / И смерти» [5].

Несмотря на весьма специфические, порой «равные» отношения с Богом в поэтическом творчестве, З. Гиппиус всегда оставалась религиозным человеком. Возможно, поэтому метафизический «пейзаж» души А. Блока, открывающий книгу, представляет ступени эволюции личности поэта в свете авторского понимания истины. Дважды в очерке (в эпитафии и в финале), как набат, звучат строки из знаменитого блоковского стихотворения: «И пусть над нашим смертным ложем / Взойдется с криком воронье... / Те, кто достойней, Боже, Боже, / Да внидут в царствие Твое!» [4, 11]. Блокская отсылка к Нагорной проповеди (Христос говорил ученикам: «Если не будет праведность ваша щедрее, нежели праведность книжников и фарисеев, не войдете вы в Царствие Небесное» (Мф. 5–7:20)), не только усиливает значимые для З. Гиппиус образы смерти и воскресения, но и вводит в воспоминание мотив возмездия за отступничество от правды и праведности, понимаемые как исполнение обязательств в отношениях с людьми и с Богом. Именно поэтому очерк построен на противопоставлении А. Блока его «другу–недругу» А. Белому, «исключительно неправдивому», «мелодраматичному» «космополитичному» [4, 24–25].

Вместе с тем, как писал С. Маковский, стремясь «свести все проблемы жизни к Нему <...> Единому, Единственному» [11, 107], З. Гиппиус оставалась в первую очередь художником. На эту ее двойственность обращал внимание и Г. Адамович в книге критических статей «Одиночество и свобода»: «Оценить ее (З. Гиппиус – *В. Ц.*) по-настоящему, можно было лишь в беседе с глазу на глаз, когда она говорила <...> то, что действительно думала, и когда вдруг за непрерывно вьющейся нитью ее полуфраз и полувопросов чувствовалось что-то трагическое, пожалуй, тот «мертвый ястреб», с которым сама она сравнивала свою душу в одном из лучших своих стихотворений» [1, 64].

В «Живых лицах» порой чувствуется, как мемуарист уступает место поэту. Субъективность заметна и в заглавиях литературных портретов («Мой лунный друг (о Блоке)», «Одержимый (о Брюсове)»,

«Задумчивый странник (о Розанове)», «Благоухание седин (о многих)»), и в перепадах интонации, и в многочисленных отступлениях. Определение «мой лунный друг», адресованное А. Блоку, истолковывается автором в символистском ключе. З. Гиппиус важно подчеркнуть мистические стороны в блоковской натуре, незащищенность «вечного юноши» [4, 39], который «всегда будучи с вами еще был где-то» [4, 16]. Блоковская «недосказанность и темность» [4, 23], «вечное хождение около жизни» [4, 39] интерпретируются как следствие уязвимости перед действительностью. Трагедия А. Блока, когда он, потеряв сына, получает возможность «прикоснуться» к суровой реальности, побуждает автора к довольно жестокой риторике: «Но нужна ли была поэту эта связь? Останься сын его жив – что дал он поэту? Не прекрасно ли это – вечный юноша?» [4, 39]. Показательна оговорка, венчающая эту цепочку вопросов: «Сознавал ли это Блок так ясно, так грубо, как я сейчас это пишу? Нет, конечно» [4, 39]. Несмотря на то, что символистский имидж творца для автора «Живых лиц» оказывается важнее страданий живого человека, эстетический аспект в оценке личности А. Блока неотделим от религиозно-философского. Прощая «непрощаемое» («кошунство» поэмы «Двенадцать», блоковское стремление «петь Интернационал» [4, 59]), З. Гиппиус предсказывает «духовное воскресение» [4, 62] художнику, достигшему «той высоты, которой не достигали, может быть, не падавшие <...> ибо страданием и смертью он искупил не только свою вольную или невольную вину, но, может быть, отчасти позор и грех России» [4, 63].

Мотив бессмертия

Размышление о значимых философских категориях звучит и в статье о В. Розанове, не раз утверждавшем, что «кажда земного бессмертия, есть самое удивительное и совершенно несомненное чувство в человеке» [12, 12]. Амбивалентный образ В. Розанова (для З. Гиппиус он и «живой», и «каменный» [4, 157]), поражает читателя, с одной стороны, компромиссностью, а с другой – «внутренней несклоняемостью» [4, 160]. Принципиальным в оценке «задумчивого странника» для критика становится тот факт, что В. Розанов «ничего не отверг, ничего не принял, ничему не изменил» [4, 223]. Даже «еретичество» Розанова, как отмечает З. Гиппиус, «исходило из его религиозной любви к Божьему миру, из религиозного его вкуса к миру, ко всей плоти» [4, 171].

З. Гиппиус признается, что ей трудно прилагать общечеловеческие мерки к личностям А. Блока и В. Розанова, ведь оба

В. В. Цуркан

они – явления «исключительной», «редкой» [4, 157] ценности. Заблуждения и ошибки были прощены «лунному другу» за его всепоглощающую любовь к Родине. В. Розанов для З. Гиппиус – еще более «архирусский» [4, 181]. «Невзрослый» А. Блок и «нашаливший ребенок» [4, 183] В. Розанов, шепчущий «как мальчик <...> строгому церковному богу» [4, 184] сближены в своей «детскости», которая даже в моменты сомнений помогает им сохранить душу (и здесь еще одна аллюзия: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3)).

Ни в одном очерке, включенном в книгу, слова «душа» и «духовность» не повторяются так часто, как в воспоминаниях о В. Розанове. «Дышит» каждая строка розановского творчества, весь его организм. «Нельзя, невозможно, – восклицает З. Гиппиус, – так выворачивать наизнанку себя, своих близких и далеких, так раздеваться всенародно» [4, 212]. Во второй части мемуара о «задумчивом страннике» розановская «душа-путаница» мифологизируется: она и болит, и страдает, и «зябнет» [4, 197]. Духовному состоянию умирающего писателя противопоставлены картины «тягучего удушья» [4, 216] революции с ее вестями о гибели сына, пятнадцатилетнего Васи, арестами и расстрелами, рождающими «осязательное» ощущение смерти, «холода», «озноба души» [4, 203]. Молитва из книги В. Розанова «Опавшие листья» завершает очерк: «Господи, неужели Ты не велишь бояться смерти? Неужели умрем, и ничего? Господи, неужели это – Ты» [4, 224]. Две смерти – великого поэта и большого писателя – осмыслены З. Гиппиус в космической перспективе: «Погасло явление» [4, 223].

Мотив возмездия

Апологизируя дорогие сердцу имена, З. Гиппиус с сарказмом пишет о «книжниках» и «фарисеях». Высокие чувства и праведные отношения в «Живых лицах» противопоставлены «лукавству и хитрости людей в их обманчивых замыслах» (Павел 4:15). В одном ряду с образами А. Белого, который «только и говорил, что о христианстве», умея «находить с каждым его тему» [4, 26] и участницы «четвертого акта русской трагедии» [4, 147] Анны Вырубовой в «Живых лицах» стоит В. Брюсов, натуру которого понять, как утверждает З. Гиппиус, ей удалось одной из немногих: «Изумительно, однако, что никто ни разу не спохватился: да что же это за человек? Да живой он или мертвый? Никто, ни разу: с такой мастерской хитростью умел Брюсов скрывать своеобразную мертвость души, мысли и сердца» [4, 90].

В очерке «Одержимый» В. Брюсов представлен как человек поз: «наполеоновской», «европейской», «демонической», «космополитической». Маска вождя русского символизма, считает З. Гиппиус, – самая страшная, ибо «Брюсов никакого искусства не любил и любить не мог» [4, 79]. Доминантой образа поэта-жреца становится его бешеное честолюбие, подчинявшее все на пути к заветной цели. Стремясь до конца быть верной своей метафизике («Я изменяюсь, но не изменяю» [7]), Гиппиус отвергала «всеядность» Брюсова уже в эпиграфе к очерку, взятом из собственного шуточного стихотворения: «Но всех покоря – ты вечно покорен: / То зелен, то красен, – то розов, то черен» [4, 64]. И совсем не шуточно, а саркастически звучат авторские характеристики творчества мэтра: «мрачная экзальтация», «некрофильские стихи», «мертвая страсть», «мертвенный холод» [4, 79]. Доказательством испеления брюсовской души становится появление двойников: «Для Брюсова черт выдумал <...> очень интересную обезьяну», народившуюся «в виде Игоря Северянина» [4, 93].

Тем не менее, исповедуя главный христианский принцип – «Возлюби!», З. Гиппиус стремится к объективности. В мемуаре подчеркивается и то подлинное, что подчас проскальзывало в облике поэта: «живые глаза», «догадливый ум и способность сосредоточения воли» [4, 70], «способность к стилю» [4, 86], «тонкость внешнего понимания стихов» [4, 86], любовь к жене, которую он любил «почеловечески, сколько мог» [4, 73]. Даже поставив крест на В. Брюсове, отошедшем после революции за «непереступимую черту человеческую» [4, 66], З. Гиппиус проявляет милосердие к его сожженной честолюбием и страстью душе, восклицая: «Как жестока жизнь. Как несчастен человек!» [4, 101].

Заключение

В книге «Живые лица», о которой В. Ходасевич писал как об «одном из первоисточников по изучению минувшей литературной эпохи» [13, 524], З. Гиппиус удалось создать многогранные портреты современников во-многом благодаря обращению к религиозно-философскому контексту. Несмотря на известный схематизм сюжетных построений, критику удалось сказать не только о людях, но также их душах, увидеть в смерти героев не конец, а возможность перехода в новое качество. Ведь, как писала М. Шагинян, «не успокоенное блаженство в Боге – тайна молитвы и знаний Гиппиус, а ношение в себе Бога, ношение в себе вечного знания Бога и хотений Его, которые выше, тяжелей и шире души» [15].

Список источников

1. Адамович, Г. В. Одиночество и свобода. Москва: Республика, 1996. 446 с.
2. Богомолов Н. А. Любовь – одна (О творчестве Зинаиды Гиппиус) // Гиппиус З. Н. Стихотворения; Живые лица. Москва: Художественная литература, 1991. С. 5–22.
3. Бучкина Е. А. Трансформация жизненной практики как способ конструирования мифа о творце в культуре серебряного века (на материале мемуаров З. Гиппиус «Живые лица») // Вестник ВятГГУ. 2010. № 2 (2). С. 145–147.
4. Гиппиус З. Н. Живые лица. Санкт-Петербург: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019. 288 с.
5. Гиппиус З. Н. Стихотворения, не вошедшие в сборники [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gippius-zinaida/stihotvoreniya-ne-voshedshie-v-sborniki/112> (дата обращения: 10.04.2023).
6. Гиппиус З. Н. Светлое озеро. Путевой дневник [Электронный ресурс] // Новый Путь. 1904. № 2. URL: <https://knigogid.ru/books/1506303-svetloe-ozero/toread/fragment> (дата обращения: 10.04.2023).
7. Гиппиус З. Н. Улыбка [Электронный ресурс] // Серебряный век. Поэзия. Стихи русских поэтов рубежа 19–20 вв. URL: https://silveragepoetry.blogspot.com/2017/01/blog-post_672.html (дата обращения: 10.04.2023).
8. Кириллова Е. Л. Мемуарная проза русского зарубежья первой волны: К вопросу о жанре и метаянре. «Живые лица» З. Гиппиус, «Некрополь» В. Ходасевича, «На берегах Невы», «На берегах Сены» И. Одоевцевой, «Курсив мой» Н. Берберовой, «Самопознание» Н. Бердяева: монография [Электронный ресурс]. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary> (дата обращения 02.04. 2023).
9. Лотман, Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Гнозис, 1994. С. 417–432.
10. Ляшенко, А. Е. Замятин и З. Гиппиус («Лица» и «Живые лица») // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы / М-во образования Рос. Федерации, Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов: ТГУ, 1994. Кн. 10. 2000. С. 45–50.

11. Маковский, С. К. На Парнасе Серебряного века. Москва: Наш дом – L'Age d'Homme; Екатеринбург: У-Фактория, 2000. 393 с.
12. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит очерки. О писательстве и писателях. Москва: Республика, 1996. 702 с.
13. Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. Избранное. Москва: Советский писатель, 1991. 684 с.
14. Цуркан В. В. «Тайна» гения в статье П. Струве «Дух и слово Пушкина»//: Взаимоотношения России и Сербии: гуманитарные науки сегодня. Белград, 2017. С. 115–121.
15. Шагинян М. С. О блаженстве имущего: Поэзия З. Н. Гиппиус. [Электронный ресурс] // З. Н. Гиппиус: pro et contra. Санкт-Петербург: РХГА, 2008. URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/gippius-z-n.html> (дата обращения 10.04.2023).

REFERENCES

1. Adamovich G. V. Odinochestvo i svoboda. Moscow: Respublika, 1996. 446 p. (In Russ.).
2. Bogomolov N. A. Lyubov' – odna (O tvorchestve Zinaidy Gippius) // Gippius Z.N. Stihotvoreniya; ZHivye lica. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1991. Pp. 5–22. (In Russ.).
3. Buchkina E. A. Transformaciya zhiznennoj praktiki kak sposob konstruirovaniya mifa o tvorce v kul'ture serebryanogo veka (na materiale memuarov Z. Gippius «ZHivye lica») // Vestnik VyatGGU. № 2 (2)-Kirov, 2010. Pp. 145–147. (In Russ.).
4. Gippius Z. N. Zhivye lica. Sankt-Peterburg: OOO «Izdatel'skaya Gruppa «Azbuka-Attikus», 2019. 288 p. (In Russ.).
5. Gippius Z. N. Stihotvoreniya, ne voshedshie v sborniki [Elektronnyj resurs]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gippius-zinaida/stihotvoreniya-ne-voshedshie-v-sborniki/112> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
6. Gippius, Z. N. Svetloe ozero. Putevoj dnevnik [Elektronnyj resurs] // Novyj Put'. 1904. №2. URL: <https://knigogid.ru/books/1506303-svetloe-ozero/toread/fragment> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
7. Gippius, Z. N. Ulybka [Elektronnyj resurs] // Serebryanyj vek. Poeziya. Stihi russkikh poetov rubezha 19–20 vv. URL: https://silveragepoetry.blogspot.com/2017/01/blog-post_672.html (accessed 10.04.2023). (In Russ.).
8. Kirillova, E. L. Memuarnaya proza russkogo zarubezh'ya pervoj volny: K voprosu o zhanre i metazhanre. «ZHivye lica» Z. Gippius,

B. B. Цуркан

«Nekropol» V. Hodasevicha, «Na beregah Nevy», «Na beregah Seny» I. Odoevcevoj, «Kursiv moj» N. Berberovoj, «Samopoznanie» N. Berdyaeva: monografiya [Elektronnyj resurs]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2019. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary> (accessed 02.04. 2023). (In Russ.).

9. Lotman Y. U. M. Smert' kak problema syuzheta // Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola. Moscow: Gnozis, 1994. Pp. 417–432. (In Russ.).

10. Lyashenko A. E. Zamyatin i Z. Gippius («Lica» i «ZHivye lica») // Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya: nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy / M-vo obrazovaniya Ros. Federacii, Tambovskij gos. un-t im. G. R. Derzhavina. Tambov: TGU, 1994. Kn. 10. 2000. Pp. 45–50. (In Russ.).

11. Makovskij, S. K. Na Parnase Serebryanogo veka. Moscow: Nash dom – L'Age d'Homme; Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2000. 393 p. (In Russ.).

12. Rozanov V. V. Sobranie sochinenij. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo. Lit ocherki. O pisatel'stve i pisatelyah. Moscow: Respublika, 1996. 702 p. (In Russ.).

13. Hodasevich V. F. Koleblemyj trenochnik. Izbrannoe. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991. 684 p. (In Russ.).

14. Tsurkan V. V. «Tajna» geniya v stat'e P.Struve «Duh i slovo Pushkina» // Vzaimootnosheniya Rossii i Serbii: gumanitarnye nauki segodnya. Belgrad, 2017. Pp. 115–121. (In Russ.).

15. Shaginyan M. S. O blazhenstve imushchego: Poeziya Z. N. Gippius. [Elektronnyj resurs] // Z. N. Gippius: pro et contra. Sankt-Peterburg: RHGA, 2008. URL: <http://russianway.rhga.ru/section/katalog/gippius-z-n.html> (accessed 10.04.2023). (In Russ.).

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL MOTIVES IN THE BOOK
BY Z. GIPPIUS «LIVING FACES»

Veronika V. Tsurkan

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the
Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State
Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article analyzes the book of memoirs by Z. Gippius "Living Faces", which is a very valuable source for acquaintance with writers, poets, historical figures of the Silver Age who survived the revolutionary

rift. Conveying the originality of the turning point, Z. Gippius resorts to creating literary portraits of A. Blok, A. Bely, V. Bryusov, V. Rozanov, A. Vyubova, F. Sologub. Comprehension of their images is unthinkable for the author outside the religious and philosophical context of time and his own search for God. The problems of death and immortality, truth and righteousness, sin and retribution form a cross-cutting mythos of the essays of "Living Persons". Central to the book are the motives of redemption, retribution, immortality. Retribution in the understanding of Hippisius in accordance with the Christian canons is considered as the basis of the process of incarnation. Z. Gippius is concerned about the complexity and purpose of being. Her attention invariably shifts from the external to the internal, religious and philosophical overtones crowd memories of the details of everyday life. The author strives to fully express the state of mind of the portrayed. To do this, the documentary-memoir form of a literary portrait introduces the psychologism necessary to recognize "one's own" in the "stranger" of the interlocutor. The creation of "living" portraits of contemporaries becomes for Z. Gippius, at the same time, an option to justify his own aesthetic practice. She manages to make the fate of the portrayed characters part of her own myth, interpret the death of the heroes not as the end, but as an opportunity to transition into a new quality, actualize the ideas of retribution and salvation, and also show her "living" face with likes and dislikes.

Keywords: Z. Gippius, literary portrait, A. Blok, V. Rozanov, V. Bryusov, motives of redemption, immortality, retribution

Для цитирования: Цуркан В. В. Религиозно-философские мотивы в книге З. Гиппиус «Живые лица» // Libri Magistri. 2023. № 2. С. 20–29.

Поступила в редакцию 19.04.2023

РАЗДЕЛ II. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

УДК 347.78.034
ББК 81.27

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СОВЕТИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ

*М. В. Ласкова*¹

ORCID: 0000-0002-1484-5499

*Южный федеральный университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150, к. 27
e-mail: mvlaskova@sfedu.ru*

*А. А. Воейкова*²

ORCID: 0009-0003-4884-2565

*Южный федеральный университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону
e-mail: annavoeykova99@gmail.com*

В данной статье проведен анализ специфики и методов перевода советизмов на английский и испанский языки. Советизмы представляют собой уникальные лексические единицы, характерные для культуры и истории эпохи СССР. Стоит отметить, что советизмы являются важной частью русского языка и культуры, ввиду чего их перевод на другие языки может быть сложным и ответственным процессом.

Цель исследования заключается в выявлении наиболее эффективных способов перевода советизмов на английский и испанский языки. Для достижений цели нашего исследования была сделана выборка советских реалий из произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», проанализированы различные методы и подходы к их переводу на английский и испанский языки, а также дана оценка их эффективности и оптимальности использования данных методов на конкретных примерах.

---

¹ Ласкова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор и зав. кафедрой перевода и ИТЛ, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

² Воейкова Анна Александровна, магистрант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

В качестве рассматриваемых переводческих трансформаций мы выбрали транслитерацию, экспликацию, описательный перевод, уподобляющий перевод и гипонимический или обобщенно-приблизительный перевод. Мы проанализировали некоторые примеры перевода советских реалий из романа на английский и испанский языки, и выявили, какие переводческие трансформации были наиболее эффективны в различных контекстах.

В статье также освещаются сложности, с которыми сталкиваются переводчики при передаче советских реалий, включая особенности языка, культурные различия и изменения в социально-историческом контексте.

Статья представляет собой ценный вклад в область переводоведения и лингвистики, может быть полезна тем, кто интересуется проблемами перевода культурно-специфичных лексических единиц и советских реалий.

Ключевые слова: советизмы, переводческие трансформации, реалии, безэквивалентная лексика, форенизация, доместикация

Введение

В языке каждого общества фигурируют определенные понятия, явления, объекты и культурные ценности, которые присущи исключительно этому этносу, его культуре и быту. Они складываются из уникальных аспектов жизни этого общества: социальных, политических, исторических, экономических, географических и т. д. В данном исследовании мы рассмотрим советизмы – один из ярких примеров данной лексики в русском языке.

Основная часть

По мнению Г. М. Шипициной и Ю. О. Мамоновой, «советизмы – это слова, сокращения, фразы, лозунги, сформировавшиеся в советскую эпоху» [7]. Период существования Советского Союза оказал значительное влияние на различные аспекты жизни, психологию, мировоззрение и повседневные привычки людей. Помимо этого, он также сыграл значительную роль в формировании и развитии новых лингвистических процессов в русском языке, которые, в свою очередь, привели к изменениям в лексической и семантической структуре языка. Изучение и осмысление этих явлений являются одними из основных задач современной лингвистики.

Согласно В. Н. Алексеевой, отечественные исследователи отмечают, что советизмы являются уникальной лексической группой с особыми характеристиками, отличающими их от других слов.

Прежде всего, советизмы отличаются конкретной хронологией (1917–1991), что позволяет точно определить время возникновения каждого советизма. Вторым важным аспектом является то, что советизмы обладают специфическим «языковым кодом», который понятен только тем людям, у которых этот код совпадает. Кроме того, стоит отметить, что советизмы описывают и называют события и явления, происходившие в различных сферах жизни в период советской эпохи [2].

Исследователи также рассматривают советизмы с точки зрения безэквивалентной лексики (далее – БЭЛ). Согласно трактовке «Словаря социолингвистических терминов», «БЭЛ представляет собой лексические единицы, лишенные эквивалентов в других языках или в различных вариантах того же языка и не поддающиеся полному переводу на другие языки» [4]. Исходя из этого, некоторые ученые называют советизмы советскими реалиями. Однако следует отметить, что между данными понятиями существуют различия. Так, С. Влахов и С. Флорин отмечают, что «при переводе советизмов необходимо учитывать не только их коннотативное значение и национальный колорит, характерные для обычных реалий, но и специфический социальный контекст, свойственный исключительно советской эпохе. Присутствие этого социального контекста является отличительной особенностью советизмов по сравнению с обычными реалиями» [3].

Перевод советизмов, несомненно, является одной из актуальных переводческих проблем. В. В. Акуленко справедливо отмечает, что «при переводе советизмов возникает проблема трехступенчатой коннотации, включающей в себя национальный, исторический и социальный контекст. Эта особенность, в сочетании с необходимостью передать характерные черты образа жизни, отличного от несоциалистических стран, делает процесс перевода чрезвычайно сложным» [1].

С. Влахов и С. Флорин отмечают, что перевод данного лексического слоя сталкивается с двумя основными проблемами: «во-первых, отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией понятия или объекта, и во-вторых, кроме передачи предметного значения (семантики) реалии требуется также передать и ее колорит (национальную и историческую окраску)» [3]. Из этого следует, что переводчику необходимо передать не только лексическое значение и содержание слова или словосочетания, но также его уникальные черты, его ассоциативное поле, иронию и прочие стилистические аспекты, связанные с ним.

Еще одна особенность перевода лексических единиц, связанных с советской культурой и историей, заключается в необходимости учитывать специфику носителей языка, на который осуществляется перевод. Таким образом, восприятие перевода советизмов зависит от того, являются ли данные лексические единицы:

- собственно советизмами (понятиями, характерными только для Советского Союза, аналога которым не существует в словаре других языков, в первую очередь, из-за отсутствия в реальностях других стран подобных понятий: *колхоз, пятилетка* и др.);

- региональными советизмами (реалиям, характерными для определенной территории: *Ленэнерго, Моссовет* и др.);

- интернациональными советизмами (вошедшими в другие языки с помощью транскрипции или транслитерации, или с помощью подбора аналога в этом языке: *KGB, спутник, большевик* и др.) [3].

Согласно данной классификации советизмов по С. Влахову и С. Флорину, можно сделать вывод, что интернациональные советизмы уже больше не относятся к БЭЛ, региональные советизмы выступают в роли БЭЛ для языков тех регионов, в которых отсутствуют соответствующие явления, и собственно советизмы чаще всего представляют собой безэквивалентные единицы лексической системы.

А. Д. Швейцер сформулировал следующие прагматические закономерности: «в специализированных текстах, ориентирующихся на аудиторию, которая обладает знаниями о современных явлениях и событиях в СССР, преобладающим методом передачи советизмов является транслитерация (к примеру: «*агитпункт*» – «*agitpunkt*», «*дружинники*» – «*druzhinniki*», «*область*» – «*oblast*). Однако для текстов, направленных на более широкую аудиторию, характерен описательный перевод (например: «*агитпункт*» – «*voter education citizen court*», «*дружинники*» – «*volunteer patrols*»), а транслитерация обычно используется вкупе с пояснительными комментариями» [6, 251].

Несмотря на то, что роман «Двенадцать стульев» относится к жанру художественной литературы, а значит его перевод рассчитан на широкую аудиторию иностранцев, в его переводах содержится большое количество именно транслитерированных советизмов. Например:

«*Остан галантно подскочил к ней, перенял на ходу **самовар** и поставил его на стол*» [8, 98].

«*Ostap gallantly ran over to her, took the **samovar** without stopping, and placed it on the table*» [11, 70].

«*Ostap saltó galantemente hacia ella, tomó el **samovar** sobre la marcha y lo colocó sobre la mesa*» [10, 103].

В данном случае транслитерацию советизма «самовар» можно объяснить его уже устоявшейся формой в иностранных языках. Стоит предположить, что иностранные читатели уже знакомы с данным понятием, так как переводчик не дает пояснения к нему. Аналогично в обоих переводах было отражено слово «большевик»:

*«Как же **большевики** будут воевать?»* [8, 130].

*«How can the **Bolsheviks** fight?»* [11, 95].

*«Pero ¿cómo van a combatir los **bolcheviques**?»* [10, 139].

Важно упомянуть, что еще одной проблемой при передаче советизмов на другие языки (к тому же не характерной для перевода БЭЛ или реалий в целом) является огромное количество сокращений и аббревиатур (*АХРР, ГубКК, УОНО, дорпрофсоюз, РАБИС, новоросцемент и др.*). Такой тип словообразования свойственен эпохе СССР, и для передачи уникальных «свойств» советской лексики следует вводить такие лексические единицы в текст перевода по аналогии также аббревиатурами, то есть использовать транслитерацию. Для передачи читателю семантической составляющей слова в таком случае возможно использование сносок или дополнительного контекстуального перевода.

Обращаясь к материалу нашего исследования, стоит отметить, что переводчики романа «Двенадцать стульев» решили не транслитерировать аббревиатуру, а передать ее описательным переводом прямо в тексте:

*«А потом вот что: я художник, окончил **ВХУТЕМАС [Высшие художественно-технические мастерские]**, а вы мой помощник»* [8, 207].

*«And, incidentally, I'm an artist, a graduate of the **Higher Art and Technical Workshops**, and you're my assistant»* [11, 150].

*«Y, además, mire lo que le digo: yo soy pintor, acabé la **Escuela de Bellas Artes, y usted es mi ayudante**»* [10, 224].

Рассмотрим другой аналогичный пример:

*«Гаврилина за «нажим» вызывали в **ГубКК [Губернская контрольная комиссия]**»* [8, 90].

*«Gavrilin was sent, for by the **province control commission and reprimanded for using his position to exert pressure**»* [11, 63].

*«A Gavrilin lo llamaron a la **Comisión de Control de la región acusado de abuso de autoridad**»* [10, 93].

Несмотря на то, что ранее упомянутая особенность «советского» языка не была реализована, значение данных

аббревиатур точно будет понятно иностранному читателю, так как оно объясняется сразу в тексте.

Нельзя не упомянуть, что при переводе советизмов-сокращений и советизмов-аббревиатур следует уделять пристальное внимание их расшифровке. В определенных случаях одна и та же аббревиатура может иметь несколько потенциальных расшифровок. Так, В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина приводили в пример аббревиатуру «МКХ», которую можно расшифровывать разными способами: «*Министерство коммунального хозяйства*», «*Московский комбинат хлебопродуктов*», «*Московский отдел коммунального хозяйства*» и другими [5]. Одной из обязанностей переводчика является правильно интерпретировать каждый такой случай, чтобы избежать передачи искаженного смысла советизма при его переводе.

Говоря о переводческих стратегиях, нельзя также не упомянуть такие явления, как доместикация и форенизация. Эти термины, обозначающие два полярных типа перевода, были введены немецким герменевтиком Фридрихом Шлейермахером в 1813 году и по сей день обсуждаются исследователями в контексте переводческой теории [12]. Первый тип – форенизация – представляет собой стратегию максимального сохранения оригинальных форм без использования упрощения или адаптации, во избежание искажения авторского замысла. Второй тип – доместикация – является стратегией максимальной адаптации текста к переводному языку, где сложно переводимые элементы нейтрализуются. Шлейермахер подчеркивал взаимоисключающий характер двух данных стратегий. Он рекомендовал следовать только одной из них и избегать их смешения, так как это чревато возникновением коммуникативной неудачи, когда автор и читатель не смогут найти общий язык. Современное понимание этих стратегий было сформулировано Лоуренсом Венути в его книге «Скандалы перевода: по направлению к этике различия» в 1998 году [9]. Он подчеркивал, что доместикация может привести к потере культурных ценностей, и рекомендовал использовать исключительно форенизацию для сохранения культурных норм оригинала в переводе.

Тем не менее, переводчики художественных текстов нередко прибегают к стратегии доместикации, а конкретно – к описательному переводу, особенно когда дело касается таких культурно обогащенных явлений, как советизмы. Рассмотрим пример:

«В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий...» [8, 11].

«*En la capital de provincias de N había tantas peluqueras y negocios de pompas fúnebres...*» [10, 11].

В данном случае переводчица передала советизм «уездной город» на испанский язык, описав его прямым значением (*la capital de provincias* – столица провинциальных городов), тем самым сохранив как его значение, так и колорит. Рассмотрим еще один пример:

«*В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед <...> украинский борщ с мясом 1-го сорта...*» [8, 59].

«*Pot luck that day happened to be a <...> Ukrainian beet soup containing first-grade meat...*» [11, 38].

Аналогично, переводчик прибегнул к описательному переводу, тем самым емко отразив семантическое значение реалии «борщ», хоть посредством нейтрализации культурно-окрашенного наименования.

Еще одним из возможных переводческих приемов для передачи советизмов на другие языки является уподобляющий перевод. Этот прием заключается в использовании слова, которое обозначает близкую (хотя и не идентичную) по функции реалию на языке перевода:

«*Только, пожалуйста, не приноси вареников. Что мне за удовольствие есть холодные вареники?!*» [8, 170].

«*But please don't bring any cream puffs. What kind of fun is it eating cold tarts?*» [11, 133].

«*Lo único que te pido, por favor, es que no me traigas buñuelos. Qué gusto me puede dar comer buñuelos fríos?*» [10, 192].

В испанском переводе советизм «вареники» был выражен в виде традиционной средиземноморской выпечки, напоминающей пончик, что не имеет ничего общего с русским вареником. Аналогично был выполнен и английский перевод: «cream puffs» (профитроли) и «cold tarts» (холодное пирожное). Из этого можно сделать вывод, что в данном случае уподобляющий перевод был крайне неэффективен. Рассмотрим еще один пример:

«*Стану я пугаться какого-то там извозчика*» [8, 168].

«*Am I likely to be shocked by some cab-driver?*» [11, 131].

В данном случае переводчик заменил советизм «извозчик» на слово со значением «таксист». Но, как бы то ни было, в эпоху, представленную в романе, еще не было автомобилей на дорогах, и люди передвигались на конных повозках. Очевидно, что в данном случае замена была беспочвенной, так как она искажала действительность, описанную в произведении.

Проанализировав приведенные примеры, можно сделать вывод, что уподобляющий перевод может иногда выручить переводчика из трудной ситуации, но в то же время и понести за собой семантические потери.

Важно помнить о том, что в процессе перевода переводчику необходимо как можно точнее перевести реалию и сохранить при этом ее уникальность. Перевести ее таким образом, чтобы незнакомая реалия оказалась понятна читателю, чтобы он был способен воспринять ее в том смысле, который был заложен автором текста оригинала, не испытывая при этом никаких трудностей.

Наилучшим вариантом является такой перевод реалий, при котором переводчик не задействует «особых средств её осмысления». В таком случае значение реалии раскрывается там же, в тексте, за счёт связанных с незнакомой реалией слов. Это можно увидеть в примерах с гипонимическим или обобщенно-приблизительным переводом:

«В Лермонтовской галерее продавали нарзан. Нарзаном торговали в киосках и в разнос» [8, 235].

«...narzan mineral water was on sale in the Lermontov gallery, and was also obtainable from kiosks and vendors walking around» [11, 177].

При переводе слова «нарзан» переводчик применил транслитерацию в сочетании с фразой, уточняющей семантику данной реалии – «*mineral water*». Благодаря такому способу переводчик смог не только передать значение реалии, но и сохранить ее локальное своеобразие.

«В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки <...>» [8, 59].

«Pot luck that day happened to be a bottle of Zubrovka vodka <...>» [11, 38].

Как и в предыдущем примере, переводчик прибегнул к помощи транслитерации вкупе с уточняющей лексемой «*vodka*» (очевидно, уже знакомой читателям). На основании всех рассмотренных нами примеров, можно сделать вывод, что данный способ перевода наиболее эффективно минимизирует семантические и культурные потери при передаче советизмов и иных реалий на другой язык.

В зависимости от контекста различные переводческие трансформации могут относиться как к форенизации, так и к доместикации. В данной статье мы рассмотрели транслитерацию, экспликацию, описательный перевод, уподобляющий

перевод и гипонимический перевод. Делая вывод из проанализированных нами примеров, можно заключить, что транслитерация (а также подобные ей калькирование и транскрибирование) относится к форенизации, тогда как экспликация, описательный, уподобляющий и гипонимический перевод (другими словами – лексико-семантические замены) относятся к стратегии доместикации.

Заключение

Отметим, что проблема сохранения национального колорита остается актуальной по настоящее время. Как в английском, так и в испанском переводе есть выраженные неточности, которые мешают иностранному читателю полностью погрузиться в атмосферу и быт советского времени. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что гипонимический и описательный перевод в большинстве случаев является лучшим выходом из ситуации.

Список источников

1. Акуленко В. В. О ложных друзьях переводчика // *Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика»* / под общ. ред. В. В. Акуленко. Москва: Советская энциклопедия, 1969. С. 371–384.
2. Алексеева В. Н. Проблема определения советизмов, их классификации и их осмысления вторичной языковой личностью // *Вестник ЯрГУ*. 2013. № 4. С. 179–182.
3. Влахов С., Флорин С. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. 343с.
4. Кожемякина В. А. и др. *Словарь социолингвистических терминов*. Москва: Российская академия наук; Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. 312 с.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Толковый словарь языка Совдепии*. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. 700 с.
6. Швейцер А. Д. *Перевод и лингвистика*. Москва: Воениздат, 1973. 280 с.
7. Щипицына Г. М., Мамонова Ю. О. *Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода* // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки*. 2016. №14 (235). С. 21–28.
8. Ильф И. А., Петров Е. П. *Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана / Предисл. и комм. Одесского М. П. и Фельдмана Д. М.* Москва: Вагриус, 1999. 541 с.

9. Venuti L. *The scandals of translation: Towards an ethics of difference*. London & New York: Routledge, 1998, 210 p.
10. Ilf & Petrov. *Las doce sillas*, traducción de Helena-Diana Moradell / Acantilado, N.º 1 edición, 1999. 536 p.
11. Ilf & Petrov. *The Twelve Chairs*, translated by John Richardson. New York, USA: Vintage Books, 1961. 395 p.
12. Schleiermacher F. D. E. *Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens*. 1813.

REFERENCES

1. Akulenko V. V. On the false friends of the translator // *Znanie. Understanding. Ability*. M., 1969. p. 371–384. (In Russ.).
2. Alekseeva, V. N. The problem of defining sovietisms, their classification and their comprehension by the secondary linguistic personality [Text] / V. Alekseeva // *Vestnik YarGU*. 2013. № 4. P. 179–182. (In Russ.).
3. Vlakhov, S., Florin S. *The untranslatable in translation*. Moscow: International relations, 1980. 343 p. (In Russ.).
4. Kozhemyakina V. A. et al. *Dictionary of sociolinguistic terms*. 2006. (In Russ.).
5. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *The Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepi*. Folio-press, 1998. (In Russ.).
6. Schweitzer A. D. *Translation and linguistics*. Moscow: Voenizdat, 1973. 280 p. (In Russ.).
7. Shchipitsyna G. M., Mamonova Y. O. General view on the lexicon of the Russian language of the Soviet period // *Scientific Journal of Belgorod State University. Series: Humanities*. № 14 (235). Ed. 30. 2016. (In Russ.).
8. Ilf I. A., Petrov E. P. *The Twelve Chairs*. The first full version of the novel with commentaries by M. Odessky and D. Feldman / Preface and comm. Odessky M. P. and Feldman D. M. Moscow: Wagrius, 1999. (In Russ.).
9. Venuti L. *The scandals of translation: Towards an ethics of difference*. Taylor & Francis US, 1998. (In Eng.)
10. Ilf & Petrov. *Las doce sillas*, traducción de Helena-Diana Moradell. / Acantilado, N.º 1 edición, 1999. 536 p. (In Russ.). (in Span.)
11. Ilf & Petrov. *The Twelve Chairs*, translated by John Richardson / New York, USA: Vintage Books, 1961. 395 p. (In Eng.)
12. Schleiermacher F. D. E. *Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens*. – 1813. (in Germ.)

М. В. Ласкова, А. А. Воейкова

PECULIARITIES OF SOVIET RUSSIAN REALIA
TRANSLATION INTO ENGLISH AND SPANISH

Marina V. Laskova

Doctor of Sciences in Philology, professor, head of Department
of Translation and Information Technology in Linguistics, Southern Federal
University, Russia, Rostov-on-Don

Anna A. Voeykova

Graduate student, Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract

This article analyzes the specifics and different ways of translating soviet Russian realia (sovietisms) into English and Spanish. Sovietisms are unique lexical units, typical for the USSR culture and history. It should be noted that sovietisms are an important part of the Russian language and culture, thus their translation into other languages can be a difficult and responsible process.

The purpose of our study is to identify the most effective ways of translating sovietisms into English and Spanish. For the purpose of our study, we chose some examples from the novel of I. Ilf and E. Petrov's «The Twelve Chairs», analyzed various ways of translating sovietisms into English and Spanish, and evaluated their effectiveness and optimality of use by giving specific examples.

We considered transliteration, explication, descriptive translation, likening translation and hyponymic or generalized-approximate translation as translation types. We analyzed some examples of translating soviet realities from the novel into English and Spanish, and identified which translations were most effective in different contexts.

The article also highlights the difficulties that translators face in translating soviet realities, including language peculiarities, cultural differences, and changes in the socio-historical context.

The article is a valuable contribution to the field of translation studies and linguistics and may be useful to those who are interested in the problems of translation of culturally specific lexical units and Soviet realities.

Key words: sovietisms, translation transformations, realias, vocabulary without translation, foreignization, domestication

Для цитирования: Ласкова М. В., Воейкова А. А. Особенности перевода советизмов на английский и испанский языки // Libri Magistri. 2023. № 2. С. 30–40.

Поступила в редакцию 06.05.2023

УДК 81.33

ББК 81.27

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СПИРТНОГО В ЛИНГВИСТИКЕ

М. Д. Уразаев¹

*Уфимский университет науки и технологий,
450076, Приволжский федеральный округ, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32
e-mail: marat-urazaev@yandex.ru*

В данной статье предпринята попытка дать краткий обзор исследований лексики алкогольного опьянения в лингвистике от самых ранних лексикографических изысканий лингвистов-любителей до научных работ специалистов в области когнитивной лингвистики. Со времен изобретения первых пьянящих напитков в 6 тысячелетии до нашей эры тема употребления алкоголя стала играть важную роль в общественных отношениях. Последствия употребления алкоголя, положительные или отрицательные, во многом отражаются в богатом лексиконе застолья, алкогольных напитков и алкогольного опьянения, затрагивающем как отдельные слова, так и фразеологизмы во многих человеческих языках. Существует даже некая культурная и языковая универсальность данного явления. Следовательно, алкогольное опьянение – это явление многомерное, многоликое и широко распространённое в языковом пространстве. Употребление алкоголя является социально значимым явлением в современном мире, этот феномен имеет множественную номинацию в языке. Тема алкоголя и его употребления является уникальной сферой традиционного языкового словотворчества. Однако исследования в лингвистике на тему употребления алкоголя ограничиваются лишь рассмотрением отдельных аспектов темы или ее паремиологической реализации и не содержат всестороннего лингвистического анализа тематического пространства языка, характеризующего сферу употребления алкоголя. Работы в этой области, как правило, ограничиваются характеристикой одного аспекта отдельных слов и выражений. Вышеупомянутое поднимает интерес к исследованию соответствующей лексики. Образование множества слов и словосочетаний в данной понятийной сфере в самых

---

¹ Уразаев Марат Дамирович, аспирант кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия.

М. Д. Уразаев

разных языках стимулирует устойчивый интерес лингвистов к теме алкогольной лексики.

Ключевые слова: лексикография, концептуальная метафора, лексика, алкогольное опьянение, когнитивистика

Вступление

Изучение лексики употребления спиртного в языкознании началось с лексикографических исследований. Лексикографическая работа «Drinker's Dictionary» была опубликована 6 января 1737 года (1736 г. по старому стилю) в американском периодическом издании «The Pennsylvania Gazette». Данная публикация приписывается Бенджамину Франклину, на это указывается в его мемуарах; однако подобный список слов с незначительными значениями появлялся и в периодическом издании «The New England Weekly Journal» 6 июля 1735 года. Словарь состоял из 228 синонимов к прилагательному *drunk*, например, таких наименований, как, *he's thaw'd, he's in a trance, tongue-ty'd, tann'd, tipium grove, double tongu'd, topsy turvey*. Этот словарь был первым лексикографическим исследованием данного типа лексики в английском языке [9, 1038].

Френсис Гроуз – британский художник-карикатурист, антиквар и лексикограф, в своей работе «A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue» (1785) описал как зажиточные лондонцы проживают свой день на строгой диете, состоящей из портвейна (*red fustian* или *kill-priest*), брэнди (*bingo* или *cool nants*), рома (*rum guttlers*), хереса (*bristol milk*), высокоградусного эля (*knock me down*); бедняки любили выпивать бормотуху (*balderdash*). Такое разнообразие алкогольных напитков связано с отсутствием средств дезинфекции питьевой воды [5].

Затем лишь ближе к XX веку с развитием лингвистики исследование данного концепта продолжилось.

Как и зарубежной лингвистике, исследования лексики алкогольного опьянения в отечественной лингвистике началось с лексикографических работ. В 1891 году диалектолог-любитель Н. П. Тиханов опубликовал брошюру «Криптоглоссарий», где были собраны лексические и фразеологические единицы, принадлежащие разговорной русской речи и ее разным социальным диалектам конца XIX века, связанные с употреблением спиртного и алкогольным опьянением [2].

Основная часть

Г. Дж. Левин при исследовании лексикона алкогольного опьянения выявил, что прилагательное *drunk* имеет 353 синонима

в американском варианте английского языка, т. е. больше, чем какое-либо другое слово в английском языке. Исследователь также отмечал, что множество фразеологизмов, опубликованных в «*Drinker's Dictionary*», утратили свои значения (например, *been too free with Sir John Strawberry, he's eat the Cocoa Nut*), тем показав, что состав предикатов алкогольного опьянения в английском языке за 200 лет изменился [9, 1050].

Академик В. В. Виноградов рассматривал русские фразеологизмы алкогольного опьянения, такие как *муху убить, муху зашибить, муху задавить, муху раздавить*, с историко-этимологической точки зрения. С его слов «муха может быть заменена разными другими словами, метонимически обозначающими сосуд с вином» [2].

В работе В. В. Химика «Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен» дана лексико-фразеологическая интерпретация лингво-культурного концепта «пьянство» [6]. Однако, как отмечает Е. Ю. Долгова, в данной исследовании отсутствует лингвистический анализ системных отношений между единицами, которые вербализируют данный концепт [3].

И. В. Чирич провела исследования лексики застолья в русской языковой картине мира, где среди составляющих также отметила лексику алкогольного опьянения. Исследователь подчёркивает разнообразие аспектуальных признаков глаголов, характеризующих употребления спиртного: 1) нейтральные, например, *пить, выпить*; 2) моментальные, например, *дернуть, дерябнуть, жахнуть, кирнуть, хлопнуть, хряпнуть, тяпнуть, вздрогнуть*; 3) глаголы, выражающие единичное действие, например, *выжрать, поддать, принять, пропустить, вмазать, врезать*; 4) глаголы, выражающие длительное действие, например, *квасить, гудеть* [8].

В исследовании «*The Language of Intoxication: Preliminary Investigations Alcohol*» была предпринята попытка исследования предикатов алкогольного опьянения с помощью антропологического метода в разрезе психолингвистики [10]. В данной статье демонстрируется богатый словарный запас студентов университета для описания субъективных эффектов алкогольного опьянения. Также были сделаны два важных вывода относительно природы использования данной лексики. Во-первых, номинации, связанные с алкогольной интоксикацией, понимаются всегда по-разному, т. е. отражают уровни опьянения от умеренного до тяжелого. Этот вывод свидетельствует о важности использования различных номинаций для описания состояния опьянения. Кроме того, было

показано, что широко используемое прилагательное *drunk* является фактурно сложным, поскольку оно отражает общий уровень алкогольной интоксикации от средней до тяжелой. Что указывает, на то, что граница между смыслами всегда размыта. В статье продемонстрировано, что для оценки состояния алкогольного опьянения, участники опроса чаще всего использовали прилагательные *buzzed*, *tipsy* и *light-headed* при описании легкого опьянения, а номинации *trashed*, *wasted* и *hammered* для описания состояния тяжелого опьянения. Также в данной работе была показана разница в использовании лексики алкогольного опьянения между студентами мужского и женского пола. Например, студентки, участвовавшие в данном исследовании, описывали себя как *tipsy* (слега пьяный) чаще, чем студенты, даже несмотря на уровень алкогольного опьянения.

Следует особо отметить работу Е. Ю. Долговой, в которой дано системное полевое описание лексики и фразеологии, связанных со сферой употребления спиртных напитков. Исследование подтвердило, что в русском языке количество номинаций, характеризующих тему употребления горячительных напитков, представлено значительным количеством языковых единиц. Так, средства вербализации категории употребление алкоголя представлены не только в виде лексических единиц (например, *пьяный*, *выпить*, *пьяница*, *хмельной*, *навеселе* и т. п.), но также фразеологических единиц (например, *лыка не вяжет*, *принять на грудь*, *под пьяную руку*, *хмель разбирает* и т. п.) и синтаксических единиц (например, *развезло от водки кого-либо*; *в голове шумит у кого-либо*). Анализ языкового материала показал широкую репрезентативность в поле вторичных номинаций, например, метафор и метонимий [3, 20].

В плане типологического сравнения А. Памис и В. Кортиня провели исследование фразеологического поля алкогольного опьянения для описания моделей семантического переноса в английском, испанском и французском языках, с целью выявления универсальных и уникальных черт в рассматриваемых языках [11]. В основе семантического переноса лежат метафора и метонимия, которые являются основными приемами семантической транспозиции, и активно участвуют в процессе пополнения номинативного состава поля, создавая типовые метафорические и метонимические модели. Исследователями были выявлены несколько моделей метафорического переноса общих для английского, испанского и французского языков, связанных такими концептами, как животные, движения, части тела, агрессия и растения.

В иконической метафорической модели «опьянение ~ животное», либо пьяный человек представлен животным, либо само опьянение является животным. В первом случае мотивация связана не так называемой прямой связью, а целой цепочкой переносов, т. е. метафора может пересекаться с метонимией, где третий элемент устраняет разрыв между животным и опьянением: 1) животные, ассоциирующиеся с употреблением большого количества жидкости, например, в английском языке – это рыба и верблюд: *drunk as fish, drunk as a camel*; в испанском языке – комар, слон и вошь: *chupar más que un mosquito, pillar una trompa, estar como piojo*; во французском языке – это клещ: *être soûl comme une tique*; 2) животные, ассоциирующиеся с неприятным запахом, например, свинья: англ. *drunk as a sow, drunk as a skunk*; исп. *borracho como un cerdo*, франц. *se bourrer comme un cochon*; 3) животные, ассоциирующиеся с волнообразными движениями, например, змеи в английском языке *to have snakes in one's boots* и испанском языке *estar serpentón, ir culebreando*; личинки во французском языке *rond comme un asticot*.

Во втором случае опьянение представлено как животное, которое можно увидеть, на которое можно поохотиться или поймать: 1) в английском языке: *be driving the turkeys to market, driving the brewer's horse, to have the head full of bees, to see pink elephants, to cop a crane, to cop an elephant, to chase the duck*; 2) в испанском языке: *agarrar una trompa, pillar la mona, matar el bicho, matar el gusanillo, pillar un cerdo, pillar un cernicalo*; 3) во французском языке: *abreuver son cochon; charmer sespuces, se piquer la ruche, cracher un renard, charger la mule, étrangler un perroquet*.

В модели «опьянение ~ движение» модели семантического переноса в большей степени основаны на пространственных нарушениях, метонимической репрезентации причинно-следственной связи между опьянением и отсутствием сенсомоторного самоконтроля. Данная метафорическая модель представлена следующими примерами: 1) в английском языке: *to top off, high as a kite, over the limit, one over the eight, over the line, getting up the pole, high up to pick cotton, higher than a giraffe's toupee*; 2) во французском языке: *ne plus toucher terre, prendre une hauteur*; 3) в испанском языке: *estar fuera de órbita, estar arriba de la pelota*.

С данной моделью связаны метафорические соматизмы опьянения, которые имеют тенденцию создавать аномальные ассоциации между данной частью тела и определенным движением. Эти ассоциации обычно являются следствием метонимических представлений, относящихся либо к неконтролируемой психомоторике

пьяного человека, либо к представлению тела как сосуда, переполненного алкоголем. В основном задействованными частями тела являются голова, глаза, нос, уши, рот, руки и ноги: 1) в английском языке: *about blowed one's top, Adam's apple up, out of one's head, double-headed, one's head is smoking, to have a piece of bread and teeth in the head (/attic), to have the head full of bees, to get a spur in one's head*; 2) в испанском языке: *tener la cabeza caliente, ir cabeceando, dolerle [a uno] la cabeza, salirsele los ojos de la cara, ponerse hasta los ojos*; 3) во французском языке: *voir double; voir en dedans, avoir les lunettes en peau de saucisson, ne plus avoir les yeux en face des trous*.

Модели метафорического перехода, связанные со флорой, обычно весьма распространены при изображении глупости, поэтому неудивительно, что их можно найти в концепте алкогольное опьянение: 1) в английском языке: *to be vegetable, to be ripe*; 2) в испанском языке: *tener una filoxera, estar madurito, andar a medios chiles*; 3) во французском языке: *être raide comme un coing; être mûr*.

Иконическую модель «опьянение ~ агрессия» можно разделить на два метафорических переноса, основанные на различных (причинно-следственных) метонимических ассоциациях в зависимости от распределения ролей агрессора и жертвы. Тут представлены следующие примеры: 1) в английском языке: *punch-drunk, blind drunk, smashed, bitten by a barn mouse, to kick the devil*; 2) в испанском языке: *arrearse unos cuantos viajes, castigarse el cuerpo (/el físico), pillar una tajada*; 3) во французском языке: *étrangler la négresse, croquer la pie, tuer le ver, tuer le colimaçon, étrangler un perroquet*.

Следует отметить, что в данной работе присутствует ряд неточностей. Например, лексическая единица *punch-drunk* не относится к алкогольному опьянению, а на сильное потрясение в результате ударов по голове, на что указывают определения данной лексики в ряде толковых словарей, например, в Merriam-Webster «suffering from brain injury from repeated blows to the head» или в Oxford Learner's Dictionary «(of a boxer) confused as a result of being hit on the head many times».

Л. О. Чернейко были изучены эстетические функции лексики сферы алкоголя и мотива алкоголя в текстах произведений С. Д. Довлатова. Исследованы механизмы, лежащие в основе языковой игры, проведён анализ содержащих «алкогольную» лексику сравнительных конструкций, базирующихся на проекции алкогольной сферы на неалкогольную (и наоборот), а также определена система ценностных ориентиров носителя идиолекта [7].

В диссертационном исследовании Н. А. Козько рассматривается семантическое поле концептосферы «спиртные напитки». Для выделения национально-культурной специфики среди вариаций английского языка были проанализированы лингвострановедческие словари и классифицированы составляющие концептосферы «спиртные напитки». Проведен анализ диалектной значимости, а также этимологический анализ. Ассоциативный эксперимент показал корреляцию между англоязычной культурой и обыденным русскоязычным сознанием [4].

Среди языковых средств вербализации концепта «спиртные напитки» в данной работе выделены: 1) моноксемные единицы, например, *to drink* (пить), *drunk* (пьяный), *wine* (вино); 2) аббревиатуры или сокращения, например, *S.F.* от *shit-faced*, *J.D.* «*Jack Daniels*», *B. Y. O. B.* от *bring your own booze /bottle*; 3) фразеологические словосочетания, например, *to have a drop in one's eye* (быть навеселе, под хмельком, хлебнуть лишнего), *pink eye* (дешевое пойло), *dead soldier* (пустая бутылка из-под спиртного); 4) свободные словосочетания, например, *the first alcoholic drink of the day* (алкогольный напиток, который выпивают с утра), *hard cider* (крепкий сидр); 5) паремии (поговорки и пословицы), например, *drink is the source of evil* (выпивка – источник зла), *a drunken heart won't lie* (сердце пьяного не лжет); 6) предложения и тексты.

А. Б. Антонова в своей работе исследовала концепт (категорию) *drinking* в современном английском языке, проанализировав его понятийные, образные, оценочные, ассоциативные и рецептивные характеристики [1]. Экспериментальные данные исследования свидетельствуют о том, что ядерная лексема *drinking*, в первую очередь, ассоциируется с употреблением спиртного и вторично – потреблением любых (безалкогольных) жидкостей. Принятие алкогольных напитков ассоциируется в равной степени как с положительными, так и с отрицательными эмоциями.

Выводы

Учитывая вышеизложенное, можно сказать, что лингвистические исследования на тему употребления алкоголя ограничиваются лишь рассмотрением отдельных аспектов данной категории или ее паремиологической реализации. Существует лишь несколько работ по системному описанию данной лексики, а также одно исследование в межъязыковом плане.

Список источников

1. Антонова А. Б. Репрезентация концепта DRINKING в современном английском языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2012. 19 с.
2. Виноградов В. В. История слов. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 1142 с.
3. Долгова Е. Ю. Лексика и фразеология, связанные со сферой употребления спиртных напитков, в русском языке: 10.02.01: дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 180 с.
4. Козько Н. А. Концептосфера «спиртные напитки» в национальной языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2006. 19 с.
5. Уразаев М. Д. Исследования лексики алкогольного опьянения в английском языке // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 6-6(76). С. 520–522.
6. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. Санкт-Петербург: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2000. 269 с.
7. Чернейко Л. О., Маряничева Т. А. Функции «алкогольной» лексики в текстах Сергея Довлатова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2013. № 4. С. 122–127.
8. Чирич И. В. Лексика застолья в русской языковой картине мира: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Москва, 2004. 17 с.
9. Levine H. G. The vocabulary of drunkenness // Journal of Studies on Alcohol. 1981. № 42(11). Pp. 1038–1051.
10. Levitt A., Sher K. J., Bartholow B. D. The Language of Intoxication: Preliminary Investigations / A. Levitt, K. J. Sher, B. D. Bartholow // PubMed. 2009. № 83 (1). Pp. 448–454.
11. Pamies A. Idioms on drunkenness and drunkenness on idioms (Spanish, English, French) / A. Pamies A., B. Cortina // Phraseologie disziplinär und interdisziplinär. Tübingen: G. Narr, 2010. Pp. 223–236.

STUDIES OF ALCOHOLIC VOCABULARY IN LINGUISTICS

Marat D. Urazaev

Postgraduate Student of Department of English Language
and Intercultural Communication, Ufa University of Science
and Technology, (Ufa, Russia)

Abstract

This article attempts to give a brief overview of the research on the vocabulary of alcohol intoxication in linguistics, from the earliest lexicographic research by amateur linguists to the scientific work of specialists in the field of cognitive linguistics. Since the invention of the first intoxicating drinks in the 6th millennium BC, the topic of drinking has played an important role in social relations. The consequences of alcohol consumption, positive or negative, are largely reflected in the rich vocabulary of the feast, alcoholic beverages and alcohol intoxication, affecting both individual words and phraseological units in many human languages. There is even a certain cultural and linguistic universality of this phenomenon. Consequently, alcohol intoxication is a multidimensional, multifaceted and widespread phenomenon in the language space. Alcohol consumption is a socially significant phenomenon in the modern world; this phenomenon has multiple nominations in the language. The topic of alcohol and its use is a unique area of traditional language word creation. However, research in linguistics on the topic of alcohol consumption is limited only to consideration of certain aspects of the topic or its paremiological implementation, and does not contain a comprehensive linguistic analysis of the thematic space of the language that characterizes the sphere of alcohol consumption. Work in this field is usually limited to characterizing one aspect of individual words and expressions. The mentioned above raises interest in the study of the vocabulary. The formation of many words and phrases in this conceptual field in a variety of languages stimulates the steady interest of linguists in the alcoholic vocabulary.

Keywords: lexicography, conceptual metaphor, lexicon, alcohol intoxication, cognitive science

Для цитирования: Уразаев М. Д. Исследования лексики употребления спиртного в лингвистике // Libri Magistri. 2023. № 2. С. 41–49.

Поступила в редакцию 03.05.2023

РАЗДЕЛ III. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 808.1:372.882:371.315

ББК 74.268.3:87.8

А. В. Петров¹,

ORCID: 000-0002-3664-4487

МОУ СОШ № 38 им. В. И. Машковцева

455045, Россия, г. Магнитогорск, ул. Ворошилова, 11/1

alexpetrov72@mail.ru

ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОМУ (ПОЭТИЧЕСКОМУ) ТВОРЧЕСТВУ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ. СТАТЬЯ № 3

Данная статья является третьей в цикле работ автора о методике обучения литературному (поэтическому) творчеству в вузе и школе. В статье разбирается практический вопрос о том, как быстро и легко научиться определять стихотворный метр и размер «классических» (силлабо-тонических) русских стихов. По наблюдениям автора, это занимает в среднем 60 минут, независимо от контингента обучающихся. Система соответствующих знаний на всех уровнях их усвоения и обучения их использованию (ученический, репродуктивный, реконструктивный, творческий) складывается из следующих этапов, процедур и конкретных действий: 1) предварительный (факультативный) этап: проверка имеющихся у обучающихся знаний по теории стиховедения: опознание ими стихотворных метров и размеров на примерах; 2) освоение и усвоение «стиховедческого тезауруса»; на этом этапе индуктивным путём на конкретных примерах изучаются такие термины и понятия, как: ритм, силлаботоника, слог, метр, стопа, размер, а также пять основных стоп (хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест) и четыре дополнительных (пиррихий, спондей, амфимакр, трибрахий); 3) центральный этап – обучение определению стихотворного метра и размера путём соотнесения реального ритма строки и «идеальной» метрической схемы; 4) отработка учениками полученных знаний:

---

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, доцент, педагог дополнительного образования, МОУ «СОШ № 38 им. В. И. Машковцева», г. Магнитогорск, Россия.

от разбора примеров учителем к самостоятельным действиям; ответы разбираются коллективно, учитель даёт необходимые комментарии.

Ключевые слова: методика преподавания литературы в школе и вузе, технологии обучения, стихотворный метр, размер и ритм, силлаботоника, популярное стихосложение, литературное (поэтическое) творчество

Шаг 3 (продолжение).

Определение стихотворного размера

После того как школьники получили представление о сути феномена «поэзия», её формальных «определителях» (см. [8]), её «назначении» (см. [9]), время переходить к научению тому, как опознавать и определять классические для русской поэзии стихотворные метры и размеры, а именно силлабо-тонические. Этот навык – своего рода «азы» стихосложения и стихотворства. Очевидно, что, не зная русского алфавита, невозможно написать не только «Войну и мир», но и простое школьное сочинение. Тот же принцип верен и для стихотворства: не зная ямбов и хореев, написать настоящие – «правильные» – стихи нельзя. Апелляции поэтов-дилетантов к «(неземному) вдохновению» («как чувствую, так и пишу»), которое выплёскивается на бумагу в хаосе слов и строк, где нет правильного ритма и нарушены все возможные правила грамматики, здесь не работают. Никто не захочет жить в доме, который сложен горе-архитектором из кое-как наваленных кирпичей. Фигурист, который спотыкается на каждом шагу, в лучшем случае заслужит недоумённое молчание трибун. Поэту, делающему элементарные ошибки в стихотворном ритме, должно быть просто стыдно.

1. Предварительный этап – проверочное задание. Оно даётся только тем ученикам, которые уже знакомы со стихотворными метрами и размерами; например, они проходили их в школе на уроках литературы (старшеклассники, студенты).

Определите стихотворный размер:

- 1) В горах познал я мудрость тишины,
В горах я прикоснулся к горнему порогу,
В горах прозрачны дали и воздушны сны,
В горах слышней моя молитва Богу.

(5-6-стопный ямб)

- 2) Тонкие струны души
Тем только и хороши,

А. В. Петров

Что, льёт когда звездопад,
Струны звенят. Иногда невпопад.

(3-4-стопный дактиль)

- 3) Отодвину с лица прядь волос,
Сильно, сильно тебя обниму –
Это ветер мне счастье принёс,
А за что – не пойму.

(2-3-стопный анапест)

На основе анализа того, как и насколько осознанно ученики определяют здесь стихотворный размер, учитель делает для себя соответствующие выводы и вносит коррективы в последующий материал и работу с ним.

II. Основной этап. Базовые понятия и термины (стихотворческий тезаурус)¹

Специальную стиховедческую терминологию (= мини-тезаурус) целесообразно в данном случае изучать на конкретных примерах, индуктивным методом. В качестве таковых примеров возьмём по одной хрестоматийной строке хорея и ямба:

Мчатся тучи, вьются тучи
и
Её сестра звалась Татьяна.

Предлагаем ученикам понаблюдать над ритмом данных стихов. Для этого вспоминаем, что такое *ритм* и чем он определяется в «классических» (т. е. силлабо-тонических) русских стихах.

Ритм – это воспринимаемая органами чувств (слух – в стихах и музыке) закономерная повторяемость какого-либо элемента, его отчётливая урегулированность. В **силлаботонике** ритм складывается из регулярного чередования **ударных** (сильных) и **безударных** (слабых) **слов**. **Слог** в русском языке – минимальная произносительная единица (звук или сочетание звуков), образуемая одним выдохом; основа русского слога – один гласный звук («е-ё»), к которому могут примыкать согласные звуки («се-стра», «Та-тья-на»).

Наблюдаем дальше и предлагаем ученикам выявить ритмическую закономерность в пушкинских строках. Вопросами/заданиями на уточнение могут быть: «Какими по счёту (от

---

¹ Все нижеследующие термины являются базовыми в стихосложении. Найти их можно в любом пособии, учебнике или словаре; см., например: [1–7; 10–20].

«1» и далее) являются ударные слоги в этих строках?», «Пронумеруйте (от «1» и далее) все ударные и безударные слоги в этих строках и опишите получившуюся закономерность» и т. п.

В итоге приходим к следующему выводу: в строке *Мчатся тучи, вьются тучи* ударными являются нечётные слоги (можно также сказать, что сильные ритмические позиции совпадают с нечётными слогами), в строке *Её сестра звалась Татьяна* – чётные (здесь совпадение с чётными слогами). Многие ученики, несомненно, определяют строку из «Бесов» как написанную хореем, а из «Евгения Онегина» – ямбом. Эти выводы ведут нас к обнаружению и проговариванию нового блока терминов, которые для удобства можно объединить в группы. Последовательность групп – на усмотрение учителя.

1. Найденная нами в пушкинских строчках закономерность описывается рядом терминов. Начнём с таких, как «метр» и «стопа».

Понятие *метр* (с греч. «мера») фиксирует «размерность» стиха (строки), внутреннее его членение на одинаковые, постоянно повторяющиеся элементы, «единицы измерения». Такой минимальной единицей измерения стихотворного ритма в русском силлаботоническом стихе (строке) является *не слог* (на этом построена *силлабическая* система стихосложения) и *не слово* (на этом – *тоническая* система) – единицы речи, а *стопа*.

Само понятие стопы является калькой с греческих и римских слов («*pous*» и «*pes*») и связано с традицией: считается, что античные «стихovedы» отсчитывали ритм опусканием ступни/ноги (сильная позиция) и ее поднятием (слабая). *Стопой*, таким образом, называется в силлаботонике строго определенное сочетание и количество слогов, сильных и слабых. В теории (метрическая схема) сильный (ударный) слог в стопе может быть только один; слабый (безударный) – либо один (в хорее и ямбе), либо два (в дактиле, амфибрахии и анапесте). На практике, в реальных стихотворениях встречаются стопы с двумя ударными слогами (*спондей //* и *амфимакр /∕*); из двух или трёх безударных слогов (*пиррихий ∞* и *трибрахий ∞∞*); «усечённые» стопы (без одного или двух слогов).

Поскольку стопа – образование искусственное и деление ритмической строки на стопы не совпадает с делением её на слова и на слоги в отдельно взятом слове, выделение стоп вызывает у учащихся определенные сложности. Следовательно, уже на этом, первичном уровне происходит разрушение автоматизма в восприятии учеником стиха и его внутреннего «устройства». Включается дополнительное измерение (стихотворного) текста – некое новое видение, «зрение», а косвенно – и новое отношение к самим словам

А. В. Петров

и к процессу стихотворства. Здесь можно ввести формулу Ю. Н. Тынянова «теснота стихового ряда», однако детальное рассмотрение этого понятия отнесём к следующим занятиям.

2. Названия стоп совпадают с названиями стихотворных метров (размеров). Их пять. Это греческие по происхождению слова: ***хорей***, ***ямб***, ***дактиль***, ***амфибрахий***, ***анapest***. До нас дошли значения этих слов:

Хорей – «плясовой»; от слова «хор», «пляска».

Ямб – имя некоего мифологического персонажа.

Дактиль – «палец» (три фаланги пальца соответствуют трём слогам в дактиле).

Амфибрахий – «кругом» + «краткий» (т. е. краткие слоги располагаются вокруг долгого).

Анапест – «обратно ударяемый» (т. е. противоположный дактилю по месту ударения, «антидактиль»).

В русском силлабо-тоническом стихосложении стопа, как мы помним, состоит из одного ударного и одного или двух безударных слогов. Соответственно бывают дву(х)сложные и трёхсложные стопы.

Двусложная стопа с ударением на первом слоге называется ***хорей*** (/◡).

Двусложная стопа с ударением на втором слоге называется ***ямб*** (◡/).

Трёхсложная стопа с ударением на первом слоге называется ***дактиль*** (/◡◡), на втором – ***амфибрахий*** (◡/◡), на третьем – ***анapest*** (◡◡/).

Для удобства запоминания названий этих пяти стоп/метров и мест в них ударений существует мнемонический приём – специальное слово: ***ХОЯМДААМАН***.

Это слово состоит из первых слогов – имён пяти наших метров:

ХО-ЯМ-ДА-АМ-АН.

Это слово можно разделить на две части: ХО-ЯМ / ДА-АМ-АН.

Получаются как бы:

- двусложная стопа ХО-ЯМ, и по месту в ней слогов мы понимаем, что в хорее ударение падает на первый слог, а в ямбе – на второй.

- трёхсложная стопа ДА-АМ-АН, и по месту в ней слогов мы также можем вспомнить место ударения в каждой из соответствующих стоп.

III. «Идеальные» схемы метров

Поскольку ударные и безударные слоги в силлаботонике закреплены на конкретных по счёту местах, стихотворный размер

можно определить простым подсчётом тех позиций, которые занимают ударные слоги. При этом нужно учитывать, что в русском языке, в силу разной длины слов, в стопах (особенно двусложных) возможны пропуски ударений и, реже, дополнительные (сверхсхемные) ударения. Стопа из двух безударных слогов называется *пиррихий* (∪∪), из двух ударных – *спондей* (//). Все они идут в общий счёт стоп при определении размера. Исключением являются пиррихии после последней полноударной стопы хоря или ямба; они в счёт стоп не идут и считаются окончаниями (клаузулами) стиха – дактилическим и гипердактилическим.

Итак, обозначим цифрами порядковые номера ударных слогов в некоей абстрактной строке, в которой все сильные позиции заняты ударными слогами (гласными). И тогда получим, что:

Идеальная схема хоря: 1 – 3 – 5 – 7 – 9 – ...

Идеальная схема ямба: 2 – 4 – 6 – 8 – 10 – ...

Идеальная схема дактиля: 1 – 4 – 7 – 10 – ...

Идеальная схема амфибрахия: 2 – 5 – 8 – 11 – ...

Идеальная схема анапеста: 3 – 6 – 9 – 12 – ...

Таким образом, определяя стихотворный размер, нужно сначала правильно расставить в анализируемой строке порядковые номера ударных слогов (например, над гласными буквами в словах), а затем получившийся набор цифр сопоставить с «идеальной» (метрической) схемой. Нужно учитывать, что в реальной стихотворной строке возможны пропуски ударений и/или сверхсхемные ударения, и значит, реальный набор цифр (размер) может не совпасть с идеальным (метр). Поэтому при расстановке ударений следует пропевать, скандировать строку, поскольку в коротких словах ударение нередко исчезает, а в длинных могут появиться побочные ударения.

Количество получившихся стоп (по большей части оно совпадает с количеством ударных слогов, особенно в 3-сложных метрах) определяет «стопность», или «размерность», стиха. Он, таким образом, может быть одноstopным, двустопным и т. д.

Строки длиной более 8 стоп в двусложных метрах/размерах и более 5 стоп в трёхсложных в практике русского стихосложения встречаются редко. Это обусловлено тем, что 15–16 слогов, составляющих подобные длинные строки, являются разумным (природным) пределом произносительных возможностей человека, который способен произнести их за один вдох и выдох, соблюдая при этом ритм и читая стих размеренно, не тараторя. Кроме того, сочинение длинных стихотворных строк является технически непростым и в большинстве случаев нецелесообразным. Они, в конце концов,

А. В. Петров

просто не вмещаются на страницу. Редким и художественно оправданным исключением можно считать, например, сверхдлинные иронические стихи американского поэта Огдена Нэша, у которого условная стихотворная строка могла состоять из двух-трёх «квази-прозаических» строчек.

Ср. также дидактическое стихотворение с последней строкой в 11 стоп ямба:

*...Теперь мне детство видится собранием пустых иллюзий
И глупых, равнодушных иль тщеславных взрослых суетой.
А ведь всего-то для ребёнка было нужно,
Чтоб кто-нибудь сказал: «Должна быть в жизни цель. Поставь её
и следуй за мечтой!»*

IV. Упражнения для тренировки

1. Пять нижеследующих примеров на каждый метр/размер разбираются учителем (на доске, экране). Напомню, что цифры обозначают порядковое место ударных слогов в строке при счёте начиная с «1».

Хорей:

Мчатся тучи, выются тучи / Невидимкою луна
1 – 3 – 5 – 7 / 3 – 7
4-стопный хорей

Ямб:

Итак, она звалась Татьяной / Ни красотой сестры своей
2 – 4 – 6 – 8 / 4 – 6 – 8
4-стопный ямб

Дактиль:

Славная осень! Здоровый, ядрённый
1 – 4 – 7 – 10
4-стопный дактиль

Амфибрахий:

Однажды в студёную зимнюю пору
2 – 5 – 8 – 11
4-стопный амфибрахий

Анапест:

Я тебе ничего не скажу
3 – 6 – 9
3-стопный анапест

2. Следующие ниже задания даются учащимся уже для самостоятельной работы под контролем учителя. Все ошибки разбираются коллективно.

- 1) Я пленён, я очарован, / Ненаглядная, тобой;
- 2) Врагу в лицо всегда смотри. / Не отрывай от милой взгляд;
- 3) Мне зеркало было дано: / В нём вижу сплетенье судеб;
- 4) Завтра утром поблекнет / Налетевшая грусть;
- 5) Мне доля выпала – любить цыганку...;
- 6) Это, друг мой, пустая химера – / И как поздно я понял ее;
- 7) Засветло встану. Надену / Белой сорочки покров;
- 8) За стеною опять невпопад / Гости чьи-то шумят и поют;
- 9) Мне зелень полей, / Мне просинь небес / Гласят
долгожданную песнь;
- 10) Выхожу один я на дорогу / Предо мной кремнистый путь
блестит;
- 11) В такую ночь бессонница глухая;
- 12) Я открою окно – / Ветер вешний влетит;
- 13) Что ты, душа, так носишь, страждешь, / Грустишь и плачешь
день и ночь;
- 14) Счастье своё да осилит идущий, / Господа он воспоёт;
- 15) При этих оплывающих свечах, / На этом догорающем огне;
- 16) Блеск славы не потопит грусти / О простоте поры
минувшей;
- 17) Поросшие мхом, окаймлённые плющем, / Развалины
древнего зданья стоят;
- 18) Серый падал снег, / И метель мела;
- 19) С могучей страстию в мучительной борьбе;
- 20) (А. С. Пушкин):

17 30 48

140 10 01

126 138

140 3 501

3. Ответы и комментарии:

- 1) 4-стопный хорей
- 2) 4-стопный ямб
- 3) 3-стопный амфибрахий. В стопе «в нём вижу» – дополнительное ударение (/ /)
- 4) 2-стопный анапест. В стопе «завтра утр(ом)» – амфимакр (/ /)
- 5) 5-стопный ямб. В стопе «(вы)пала» – пиррихий
- 6) 3-стопный анапест. Стопы «это, друг» и «мой пуста(я)» – амфимакр
- 7) 3-стопный дактиль. Чередуются женское и мужское окончания, т. е. стопы дактиля усечены: (/ ^) и (/ ^^)

А. В. Петров

- 8) *3-стопный анапест*. Стопа «гости чьи-(то)» – амфимакр
- 9) *2-3-стопный амфибрахий*. Стихи с мужскими окончаниями
- 10) *5-стопный хорей* с пиррихией на первой стопе
- 11) *5-стопный ямб*
- 12) *2-стопный анапест*. Стопа «ветер веш(ний)» – амфимакр
- 13) *4-стопный ямб*. В стопе «что ты» – спондей
- 14) *3-стопный дактиль*. Чередование женского и мужского окончаний
- 15) *5-стопный ямб* с пиррихиями на 2-й и 4-й стопах
- 16) *4-стопный ямб*. В стопе «блеск сла(вы)» – спондей
- 17) *4-стопный амфибрахий*
- 18) *3-стопный хорей* с мужскими окончаниями
- 19) *6-стопный ямб*
- 20) *4-стопный ямб* – любимый стихотворный размер
А. С. Пушкина. При чтении числа надо скандировать.

В качестве домашнего задания ученикам предлагается определить стихотворные размеры минимум 10 стихотворений разных авторов (не менее трёх) на выбор, а также сформулировать те трудности, с которыми они столкнутся в процессе работы. Это позволит учителю скорректировать следующие задания и методику работы с ними, а также проявит круг поэтического чтения учащихся.

Список источников

- 1.Бродовский М. М. Руководство к стихосложению. Санкт-Петербург: Книгоизд-во Герман Гоппе, 1887. VIII, 104 с.
- 2.Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строрфика: Учеб. пособие. Москва: Фортуна Лимитед, 2000. 351 с.
- 3.Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций / Под ред. З. И. Плавскина, В. В. Жирмунской. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 440 с.
- 4.Иванюк Б. П. Поэтическая речь: словарь терминов. Москва: Флинта, 2007. 312 с.
- 5.Илюшин А. А. Русское стихосложение: Учеб. пособие. Москва: Высш. шк., 2004. 239 с.
- 6.Квятковский А. П. Поэтический словарь. Москва: Советский энциклопедия, 1966. 375 с.
- 7.Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Москва: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.

8. Петров А. В. Технологии обучения литературному (поэтическому) творчеству в школе и вузе. Статья № 1 // Libri Magistri. 2022. № 4. С. 63–77.

9. Петров А. В. Технологии обучения литературному (поэтическому) творчеству в школе и вузе. Статья № 2 // Libri Magistri. 2023. № 1. С. 101–111.

10. Поэзия. Учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин, В. А. Плунгян и др. Москва: ОГИ, 2016. 886 с.

11. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. Москва: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

12. Поэтический словарь / Ред.-сост. Е. В. Толкачёва. Москва: Луч, 2008. 384 с.

13. Сухих И. Структура и смысл: Теория литературы для всех. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 544 с.

14. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / [Коммент. С. Н. Бройтмана]. Москва: Аспект Пресс, 1996. 334 с.

15. Фесенко Э. Я. Теория литературы: учебное пособие. Москва: Акад. Проект; Фонд «Мир», 2008. 780 с.

16. Шебуев Н. Г. Версификация: (Как писать стихи). Москва: «Моск. Печатное Пр-во» Д. Венгерова, 1913. 219 с.

17. Шенгели Г. А. Техника стиха: Практическое стиховедение. [Москва]: Сов. писатель, 1940. 136 с.

18. Шульговский Н. Н. Занимательное стихосложение. Москва: Издательский Дом Мещерякова, 2009. 208 с.

19. Шульговский Н. Н. Теория и практика поэтического творчества: Технические начала стихосложения. Санкт-Петербург: Т-во М. О. Вольф, 1914. XXIV, 525 с.

20. Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В. И. Новиков. Москва: Педагогика, 1988. 416 с.

REFERENCES

1. Brodovskiy M. M. Rukovodstvo k stihoslozheniyu [A Guide to Versification]. Saint-Petersburg: Knigoizd-vo German Goppe, 1887. VIII, 104 p. (In Russ.)

2. Gasparov M. L. Ocherk istorii russkogo stiha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika [An essay on the history of Russian verse: Metric. Rhythmics. Rhyme. Stanza]: Ucheb. posobie. Moscow: Fortuna Limited, 2000. 351 p. (In Russ.)

3. Zhirmunskiy V. M. Teoriya stiha [Theory of verse]. Leningrad: Sov. pisatel', 1975. 664 p. (In Russ.)

A. B. Пемос

4. Ivanyuk B. P. Poeticheskaya rech': slovar' terminov [Poetic speech: dictionary of terms]. Moscow: Flinta, 2007. 312 p. (In Russ.)
5. Ilyushin A. A. Russkoe stihoslozhenie [Russian versification]: Ucheb. posobie. Moscow: Vyssh. shk., 2004. 239 p. (In Russ.)
6. Kvyatkovskiy A. P. Poeticheskij slovar' [Poetic Dictionary]. Moscow: Sov. enciklopediya, 1966. 375 p. (In Russ.)
7. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [Literary Encyclopedia of terms and concepts] / pod red. A. N. Nikolyukina. Moscow: NPK «Intelvak», 2001. 1600 p. (In Russ.)
8. Petrov A. V. Tekhnologii obucheniya literaturnomu (poeticheskomu) tvorchestvu v shkole i vuze. Stat'ya № 1 [Technologies of teaching literary (poetic) creativity at school and university. Article № 1] // Libri Magistri. 2022. № 4. Pp. 63–77. (In Russ.)
9. Petrov A. V. Tekhnologii obucheniya literaturnomu (poeticheskomu) tvorchestvu v shkole i vuze. Stat'ya № 2 [Technologies of teaching literary (poetic) creativity at school and university. Article № 2] // Libri Magistri. 2023. № 1. Pp. 101–111. (In Russ.)
10. Poeziya [Poetry]. Uchebnik / N. M. Azarova, K. M. Korchagin, D. V. Kuz'min, V. A. Plungyan i dr. Moscow: OGI, 2016. 886 p. (In Russ.)
11. Poetika: Slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij [Poetics: Dictionary of actual terms and concepts] / Gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. Moscow: Izd-vo Kulaginoj; Intrada, 2008. 358 p. (In Russ.)
12. Poeticheskij slovar' [Poetic Dictionary]. / Red.-sost. E. V. Tolkachyova. Moscow: Luch, 2008. 384 p. (In Russ.)
13. Suhii I. Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vsekh [Structure and Meaning: A Theory of Literature for Everyone]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 544 p. (In Russ.)
14. Tomashevskiy B. V. Teoriya literatury. Poetika [Theory of literature. Poetics] / [Komment. S. N. Brojtmana]. Moscow: Aspekt Press, 1996. 334 p. (In Russ.)
15. Fesenko E. Ya. Teoriya literatury [Theory of literature]: uchebnoe posobie. Moscow: Akad. Proekt; Fond «Mir», 2008. 780 p. (In Russ.)
16. Shebuev N. G. Versifikaciya: (Kak pisat' stihi) [Versification: (How to write poetry)]. Moscow: «Mosk. Pechatnoe Pr-vo» D. Vengerova, 1913. 219 p. (In Russ.)
17. Shengeli G. A. Tekhnika stiha [Verse Technique]: Prakticheskoe stihovedenie. [Moscow]: Sov. pisatel', 1940. 136 p. (In Russ.)
18. Shul'govskiy N. N. Zanimatel'noe stihoslozhenie [An entertaining versification]. Moscow: Izdatel'skij Dom Meshcheryakova, 2009. 208 p. (In Russ.)

19. Shul'govskiy N. N. Teoriya i praktika poeticheskogo tvorchestva: Tekhnicheskie nachala stihoslozheniya [Theory and practice of poetic creativity: Technical beginnings of versification]. Saint-Petersburg: T-vo M. O. Volf, 1914. XXIV, 525 p. (In Russ.)

20. Enciklopedicheskiy slovar' yunogo literaturoveda [Encyclopedic dictionary of the young literary critic] / Sost. V. I. Novikov. Moscow: Pedagogika, 1988. 416 p. (In Russ.)

**TEACHING LITERARY (POETIC) CREATIVITY AT SCHOOL
AND UNIVERSITY. ARTICLE № 3**

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, teacher of additional education,
secondary educational school № 38 named after V. I. Mashkovtsev
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

This article is the third in a series of works by the author on the methodology of teaching literary (poetic) creativity at university and school. The article examines the practical question of how to quickly and easily learn to determine the poetic meter and the size of «classical» (syllabotonic) Russian poems. According to the author's observations, it takes an average of 60 minutes, regardless of the student contingent. The system of relevant knowledge at all levels of their assimilation and training in their use (student, reproductive, reconstructive, creative) consists of the following stages, procedures and specific actions: 1) preliminary (optional) stage: checking students' knowledge of the theory of poetry: their identification of poetic meters and sizes by examples; 2) mastering and assimilation of the «poetry thesaurus»; at this stage, such terms and concepts as: rhythm, syllabotonics, syllable, meter, foot, size, as well as five main syllables (trochee, yamb, dactyl, amphibrach, anapaest) and four additional ones (pyrrhic, spondee, amphimacra, tribrachium) are studied inductively using specific examples; 3) central stage – learning to determine the poetic meter and size by correlating the real rhythm of the line and the «ideal» metric scheme; 4) working out the knowledge gained by the students: from the analysis of examples by the teacher to independent actions; the answers are analyzed collectively, the teacher gives the necessary comments.

Key words: methods of teaching literature at school and university, teaching technologies, poetic meter, size and rhythm, syllabotonic system, popular versification, literary (poetic) creativity

А. В. Петров

Для цитирования: Петров А. В. Технологии и методики обучения литературному (поэтическому) творчеству в школе и вузе. Статья № 3 // Libri Magistri. 2023. № 2. С. 50–62.

Поступила в редакцию 22.01.2023

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в двадцать первом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание 3 номера 2023 (двадцать пятого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в сентябре 2023 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 96-04/2023).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом *Фамилия_заявка*, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.

3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – *Times New Roman*, размер – 10. Абзац – 1 см, междустрочный интервал – 1. Выравнивание по ширине. Все поля документа по 2 см. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия**

автора (полужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – *ORCID автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов* (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (*без слова Аннотация*) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается **Список источников** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образец.

11. После списка источников следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – все на английском языке. На английском языке указать **место работы**.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibraryhttps://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznanija-i-literaturovedeniya.html>;

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу rudakovamasu@mail.ru

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ИСТОЧНИКОВ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Список источников

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

---

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury' ["Lomonosov Text" of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p. (In Russ.).
2. Baraty`niskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p. (In Russ.).
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogofederal'nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114. (In Russ.).
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost' v otechestvennoj literature: k problemekul'turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`jresurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2021). (In Russ.).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY:
«DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions,
Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2023. 2 (24)

Научный рецензируемый журнал

Учредитель – Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
(455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38). 16+,
в соответствии с Федеральным законом № 436–ФЗ от 29.12.10.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, ауд. А17.

Тел.: (3519) 227474.

E-mail: rudakovamasu@mail.ru, rudakova@magtu.ru

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. К. Маркса, 45/2,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. Ленина, 38, ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

участок оперативной полиграфии

Сдано в набор 05.06.2023. Подписано в печать 16.06.2023.

Дата выхода 27.06.2023.

Формат 60×84 1/16. Бумага тип. № 1. Плоская печать. Усл.печ.л. 4,5.

Тираж 500 экз. Заказ 213.

Цена свободная.